

Цскорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

Запомните, ребята, эти имена: Лия Магдагулова, Нина Куковерова, Юта Бондаровская, Коля Леонтьев, Маркс Кротов, Альберт Купшин, Коля Рыжов, Вова Жуков, Рая Зыбкина, Аня Новикова, Зоя Петрова...

Все эти ребята — наши земляки: они учились в школах Ленинграда и Ленинградской области.

Пионерский отряд воспитал их замечательными патриотами своей Родины. В годы Великой Отечественной войны они во всём помогали воинам Советской Армии — ходили в разведку, укрывали раненых, помогали партизанам.

Никто из них не отступил, не струсил даже в самую тяжёлую минуту встречи с врагом. Стойко выдержала все мучения мужественная девочка Нина Куковерова — ни одного партизана не назвала палачам-карателям.

В открытом бою, выручая товарищей, погибли Герой Советского Союза Лия Магдагулова и юная разведчица Юта Бондаровская. Их подвиги и подвиги многих других таких же героев никогда не забудет народ.

В дни празднования 40-й годовщины Великого Октября в Ленинграде в Детском городском парке был заложен памятник пионерам-героям.

Ленинградские школьники решили сами заработать деньги на памятник.

Сейчас во всех дружинах идёт сбор металлического лома и бумаги. Ребята участвуют в посильном труде на стройках, в колхозах и совхозах.

Памятник мужеству и героизму самых маленьких граждан нашей страны будет воздвигнут!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания I

№ 11

Ноябрь 1957 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

Живи и здравствуй!

*Отечеству родному, сорок лет!
Шумят знамёна шёлковым пожаром.
И праздника величественней нет
На всех материках земного шара.*

*Союза крепче в целом мире нет.
Нет партии надёжнее на свете,
Чем та, с которой мы за сорок лет
Ушли вперёд на целое столетье.*

*Ты, Родина, цветёшь из года в год,
Растёт твоё могущество и сила.
Ты светлый путь в космический полёт
Искусственному спутнику открыла.*

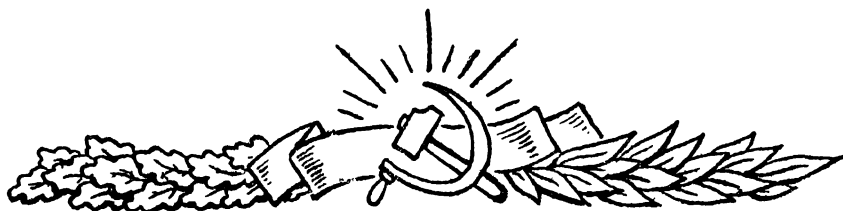
*И радости народной нет конца
И гордости советской нет предела.
И рвутся вдохновлённые сердца
На новый подвиг, на большое дело.*

*Так принимай же праздничный привет,
Любовью нашей вечно будь согрета!
Живи и здравствуй много тысяч лет,
Великое*

отечество

советов!

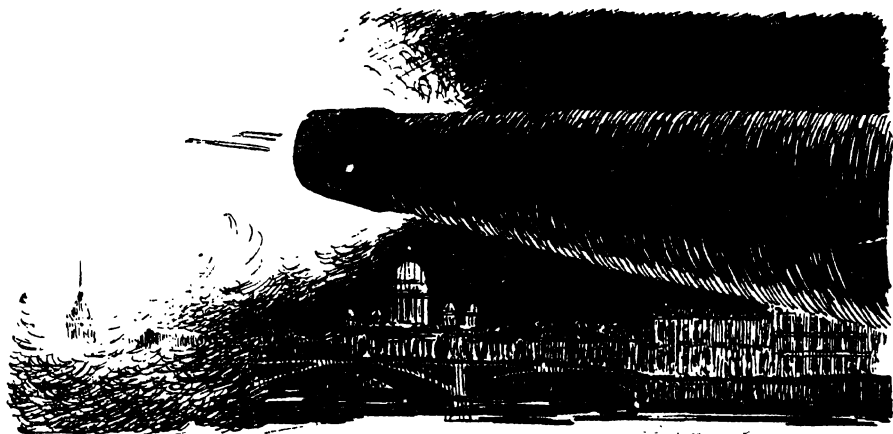
Вл. МИХАЙЛОВ,
токарь Охтинского химкомбината

Б. Тарасенко

Рисунки Ю. Лобачева

Огни революции

БЫЛ пасмурный полдень 24 октября 1917 года. Я вышел из Царскосельского госпиталя и глубоко вздохнул. После душной, пропахшей лекарствами госпитальной палаты хотелось вволю надышаться свежим воздухом. Боль в контуженной голове прошла, и я чувствовал себя бодро. В кармане у меня лежали медицинское свидетельство на месячный отпуск и литер для бесплатного проезда по железной дороге.

Я направился на вокзал. В Царском селе — «Русском Версале», где находилась летняя резиденция царей, стояла тишина. Отсюда последний русский царь Николай Романов, по распоряжению Временного правительства, был тайно увезён с семьёй в далёкий сибирский город Екатеринбург. По улицам городка не неслись уже породистые рысаки придворной знати. Не звенели серебряные шпоры гвардейских офицеров.

На вокзале было многолюдно. Особенно в небольшом «царском зале». На полу и лавках сидели и лежали грязные бородатые солдаты. Тяжёлый, спёртый воздух был на-

сыщен удушливым, как хлор, табачным дымом.

Два пожилых солдата с апостольскими бородами и в сдвинутых на затылки защитных фуражках возлились у буфетной стойки с граммофоном. Через минуту из размалёванной во все цвета радуги граммофонной трубы загредел бас Шаляпина:

Жил-был король когда-то.

При нём блоха жила.

Блоха?! Ха! ха! ха! ха! ха!..

Потолкавшись немного среди солдат, я хотел выйти из зала, но не успел. На плечо легла тяжёлая рука. Я обернулся. На меня, дружески улыбаясь, смотрел старший унтер-офицер Калугин.

— Жив, дружище? — спросил он, крепко пожимая мне руку.

— Как видите. Жив!

И я вспомнил фронт. Рвутся вражеские снаряды. Захлёбываясь, стучат пулемёты. Я бегу вместе со всеми с винтовкой наперевес.

— Куда бежишь? Убьют тебя, дурака... Ложись в воронку!.. — слышу за спиной голос Калугина.

Поздно. Что-то со страшной силой толкает в грудь и голову. Выпустив из рук винтовку, я падаю. Надо мной склоняется лицо Калугина... Темнота...

— Если бы вы не вынесли меня тогда...

Я не договорил.

— Да-а, — согласился Калугин. — Нам с тобой повезло, браток. Многие наши товарищи остались там навсегда. Думаю, ты понял, кто устроил эту бойню?

— Давно понял, — тихо ответил я.

— Вот и хорошо.

Калугин минуту помолчал, а потом спросил:

— Что теперь думаешь делать?

— Дали месячный отпуск. Поеду домой на поправку.

— Какая теперь может быть поправка! — с жаром воскликнул Калугин. — Ты знаешь, что сейчас происходит в Петрограде? Нет? Скажу! Керенский бежал. Министры-капиталисты Временного правительства доживают последние дни. Царские генералы хотят разоружить Красную гвардию. Юнкера бесчинствуют. В Петрограде назревают события большого политического значения. Так что некогда отдыхать.

Он наклонился ко мне и доверительно сказал:

— Товарищ Ленин в Петрограде.

— Неужели? — воскликнул я.

— Точно.

Вдруг дверь кабинета начальника станции распахнулась и в зал вошли пожилой седоусый полковник и плотный, лет тридцати пяти, человек в драповой офицерской шинели и серебристо-серой папаче. На ногах у него блестящие коричневые лакированные краги. Чистый, с холеным лицом, одетый с иголочки, он резко выделялся среди невзрачной солдатской массы.

Полковник подошёл к дубовому столу, постоял и крикнул густым командирским басом:

— Внимание! Сейчас выступит комиссар Временного правительства господин Бобров! Прошу выслушать его внимательно!

Он отошёл в сторону. Его место занял комиссар.

— Братья-солдаты! — начал он, картинно взмахивая рукой. — В Петрограде начались беспорядки. Кучка немецких шпионов-большевиков при поддержке разложившихся дезертиров пытается свергнуть законное Временное правительство и захватить власть в свои руки. Но свободный народ России не допустит большевиков-изменников к власти и станет на защиту своего Временного правительства! Солдаты! Ваш священный долг, долг воинов славной русской армии, пресечь смуту в столице и стать на защиту Временного правительства и правопорядка...

— Это мы уже слышали, — спокойно перебил его здоровый, рыжебородый пожилой солдат. — Ты лучше скажи нам о земле. Будет ли наделелять крестьян землёй твоё Временное правительство?

В зале наступила напряжённая тишина. Сотни солдатских глаз с любопытством уставились на комиссара.

Комиссар растерялся. Переминаясь с ноги на ногу, он смущённо посмотрел на седоусого полковника, будто ища у него поддержки. Полковник отвернулся. Комиссар нервно кашлянул, машинально поправил на голове папаху и нерешительно ответил:

— Вопрос о земле поставлен несвоевременно...

— А когда вопрос о земле будет поставлен своевременно? — уже издевательским тоном перебил его рыжебородый солдат.

Комиссар бросил на солдата колочий взгляд и продолжал:

— Земельная проблема разрешится лишь тогда, когда война будет доведена до победного конца и в стране установится твёрдая власть. Только тогда будущее Учредительное собрание, совместно с представителями от крестьян, решит вопрос о земле.

— Вон куда хватил! — возмущённо крикнул шупленький, с тёмным лицом молодой солдат. — Учредительное собрание, говоришь? Вы тогда не допустите крестьян до Учредительного собрания и на пушечный выстрел!

В зале поднялся крик:

— Долой самозванное Временное правительство! Пусть комиссар сам идёт на фронт воевать до победного конца!

Комиссар тяжело дышал. Пот градом катился у него по лицу. Стынутый со всех сторон, он даже не мог пошевелиться. Горячие солдатские тела обжигали его. Он только поводил белыми от испуга глазами.

Неизвестно, чем бы кончилось возмущение солдат, если бы на стол не залез Калугин. Озорно блеснув глазами, он расправил усы и крикнул:

— Товарищи солдаты! Почему комиссар Временного правительства призвал вас продолжать братоубийственную войну до победного конца? Да потому, что так угодно русским и иностранным капиталистам. Баснями о том, что большевики — немецкие шпионы, этот господинчик хотел натравить нас на большевиков. Не выйдет! Рабочему и крестьянину не нужна война. Кроме горя, страданий и миллионов смертей, она ничего не дала. Мы хотим мира...

Калугин умолк и некоторое время рассматривал напряжённые лица солдат. Потом продолжал:

— Что же касается земли, то мы её не получим ни от Временного правительства, ни от Учредительного собрания. Капиталисту и помещику легче расстаться с собственной жизнью, чем с землёй и богатством. А раз так, то эти богатства надо взять силой... И возьмём! — повысил он голос. — Восставший трудовой народ не будет гнуть спину и лить пот ради пауков-капиталистов. Довольно! Пришло время расчитаться с ними! Товарищи солдаты! По поручению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов я приехал сюда, чтобы сформировать отряд Красной гвардии и повести его в последний и решительный бой с врагами рабочего класса. Обращаюсь к вам с призывом: кому дорог социализм, кому дорого счастливое будущее ваших матерей, жён и детей, кому дорог свободный труд на свободной земле, тот немедленно должен записаться в отряд.

Да здравствует Советская власть!
Да здравствует вождь трудящихся товарищ Ленин!

— Ура-а-а-а! — понеслись восторженные крики.

Калугин соскочил со стола. Его окружили солдаты, пожимали ему руки.

Через несколько часов красновардейский отряд был сформирован. А поздно вечером двести сорок пять солдат пешком направились в Петроград. Третьей в списке этого отряда стояла моя фамилия.

В НОЧЬ с 24 на 25 октября 1917 года обстановка в Петрограде окончательно определилась. Восставшие рабочие и революционные солдаты захватили все жизненные центры столицы, и власть фактически перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Только Зимний дворец остался в руках Временного правительства. Там засели юнкера.

В Смольном беспрерывно заседал штаб вооружённого восстания — Военно-революционный комитет. Им руководил товарищ Ленин. От него исходили все приказы Красной гвардии и революционным войскам.

К шести часам вечера 25 октября подготовка к штурму Зимнего дворца была закончена. К Дворцовой площади подходили и подъезжали на грузовиках запоздалые отряды Красной гвардии и моряков.

С последними отрядами Красной гвардии прибыл и наш отряд... С Невского проспекта мы повернули вправо. В овале арки Главного штаба, за Александровской колонной, сверкал огнями Зимний дворец. Я никогда не видел Зимнего и был поражён его величием. Ещё больше поразило потрясающее зрелище, которое развернулось перед глазами. Зимний дворец был с трёх сторон плотно замкнут революционными войсками и Красной гвардией. От Невского проспекта, вдоль Александровского сада, до Николаевского моста стояли автобронемашины с пулемётами и чернели шинелями сводные отряды моряков. Миллионная улица и все выходы к Мойке,

вплоть до Марсова поля, были запружены солдатами и рабочими. У арки Главного штаба в боевой готовности стояли штурмовые отряды моряков и красногвардейцев.

Недалеко от Николаевского моста стоял на Неве крейсер «Аврора». Изредка с его борта брызгали ослепительные лучи прожектора и, жадно облизав тёмные контуры Зимнего дворца, внезапно гасли.

Вдоль всего фасада со стороны Дворцовой площади Зимний был опоясан сплошной баррикадой из толстых брёвен и дров. За баррикадой расположились юнкера, женский ударный батальон «смерти» и батальон георгиевских кавалеров. В тёмном провале дворцовых ворот стоял броневик, готовый каждую минуту преградить путь к Зимнему из своих пулемётов.

Наш отряд остановился под правым крылом арки Главного штаба. К нам подошёл плотный, средних лет человек с аккуратно подстриженной бородкой. Это был член Военно-революционного комитета, один

из руководителей штурма Зимнего, товарищ Подвойский.

Поговорив о чём-то с Калугиным, он обратился к нам с короткой речью:

— Товарищи красногвардейцы! Вы прибыли сюда для участия в штурме Зимнего дворца. В Зимнем засело Временное правительство и его верные псы — юнкера. Сегодня они сдадутся, или мы их раздавим. Военно-революционный комитет и лично товарищ Ленин надеются, что вы честно выполните свой долг перед пролетарской революцией.

— Ура-а! — дружно крикнули мы.

Медленно потянулось время. Моросил мелкий, перемешанный с мокрым снегом дождь. Со стороны Невы дул холодный, пронизывающий до костей ветер. Мы ёжились в старых, потёртых шинелях и внимательно наблюдали за баррикадой. Оттуда изредка хлопали винтовочные выстрелы. По этим нервным выстрелам мы определили, что и юнкера тоже томились в ожидании.

— Вот чёртовы контрики что делают, — гудит простуженным голосом молодой вихрастый красногвардеец, наблюдая за короткими вспышками огня из-за баррикады. — Морды им надо побить за такие дела!

— А ты хотел, чтобы тебя встретили хлебом-солью? Держи карман шире! — язвительно отозвался нескладно сложенный красногвардеец.

— Не имеют они права стрелять в рабочий класс! — не унимался вихрастый. — Это им не 9 января. Теперь...

Он не договорил. С крейсера «Аврора» раздался орудийный выстрел. В окнах дворца сразу погас свет. Площадь потонула во мгле, но через минуту она опять осветилась лучами прожекторов. Раздалась команда:

— Вперёд! В атаку марш, товарищи!

— Ура! Даёшь Зимний! — закричали тысячи людей и побежали к баррикаде. С баррикады ударили из пулемётов. Хлопали сухие винтовочные выстрелы. Дворцовая площадь сразу наполнилась удушливым, едким пороховым дымом.

Но огонь из-за баррикады не остановил атакующих. Красногвардейцы бежали по площади, падали, поднимались и опять продолжали бежать к громаде Зимнего.

Вот и баррикада. Казалось, один-другой бросок, и юнкера не выдержат, побегут. В это время из-под главных дворцовых ворот выкатился броневик. Плавню переваливаясь из стороны в сторону, он выскочил на площадь и бешено полоснул из пулемётов. Атака захлебнулась. Красногвардейцы остановились и начали пятиться назад.

— Ко мне с гранатами! Нужно отрезать броневик! — крикнул какой-то рабочий-красногвардеец и, низко пригнувшись, побежал к Александровской колонне.

Но его опередили. Навстречу броневiku бросилось несколько моряков. Скинув с себя на бегу шинели, они выхватили из-за пояса гранаты, упали на землю и поползли навстречу броневiku. Броневик, раз-

вивая скорость, нёсся вперёд, поливая свинцом площадь. Казалось, никакая сила не может удержать эту грозную, изрыгающую из себя потоки свинца машину. Когда броневик был в нескольких метрах от моряков, один из них приподнялся, взмахнул рукой и с силой бросил под колёса броневика связку гранат. Броневик качнулся и замер. Ещё раз он бешено полил свинцом площадь и умолк. Моряки бросились к нему. Красногвардейцы остановились, круто повернули к Зимнему и побежали к баррикаде.

Произошёл короткий бой, который внезапно кончился. Понесла значительные потери, штурмовые отряды красногвардейцев опять заняли свои исходные пункты. Опять Дворцовая площадь потонула во мгле. Сырой, холодный воздух наполнился тягостными стонами раненых. Рискую своей жизнью, к ним подползли санитары.

Наступила передышка. Опять томительно потянулось время. Никто не знал, когда возобновится штурм.

— Так, в лоб, мы их не возьмём, — сказал низенький плотный матрос. — Много они нашего брата угробят, пока мы их выбьем из-за баррикады.

— Эх, пушек бы сюда побольше да садануть по Зимнему как следует! В пушках — наше спасение, — ответил в тон моряку вихрастый красногвардеец. Пуля сорвала ему с головы шапку, и он заменил её гарусным шарфом.

— Кто знает, может быть, и пушки заговорят! Петропавловская крепость не сказала ещё своего решающего слова, — заметил, им моряк.

— Что они там, в крепости, медлят со своим решающим словом! — не унимался вихрастый красногвардеец. — Думается мне, что нам придётся выбивать юнкеров из-за баррикад своими силами.

Опять тишина. Вот промчался грузовик. Проворный моряк, в распахнутом на груди бушлате и с развевающимися по ветру ленточками бескозырки, бросил из машины пачки листовок. Грузовик мелькнул под аркой и, огибая Дворцовую пло-

щадь, понёсся к Александровскому саду.

«К гражданам России!» — только и успел я прочесть заголовок листовки, как с Петропавловской крепости загремели пушки. Опять

лучи прожекторов осветили Дворцовую площадь. За баррикадой застрочили пулемёты. Раздалась команда: «Вперёд!.. В атаку, марш!» — и отряды бросились к баррикаде. Начался бой. Громкий

воплъ заглушил дробь пулемётов. Это был крик ярости и гнева. Падали раненные и убитые, но мы, не обращая ни на что внимания, бежали вперёд. Вот и баррикады.

Удар, второй, третий — и вся масса наступающих красногвардейцев очутилась за баррикадой. Ещё удар — и юнкера были смяты. Медленно, будто нехотя, открылись тяжёлые чугунные ворота, и в них хлынул поток красногвардейцев. Штыковые стычки уже кипели на внутренних лестницах дворца. Юнкера отбивались бешено, стояли на смерть. Но не выдержали, побежали. Поток атакующих захлестнул их.

Вбегаем в Малахитовый зал. Сказочная роскошь, мраморные статуи, красивая стильная мебель... На столах — пепельницы, полные окурков, пустая чайная посуда, тарелки с остатками пищи. Пустые бутылки из-под вина и коньяка. В дальнем углу зала, плотно прильнув к стене, стоят с поднятыми вверх руками юнкера. Немой животный ужас застыл в их глазах и на бледных лицах.

— Где Временное правительство? Где министры? — бросилось к ним несколько красногвардейцев.

— Там, там, господа, — зачастил скороговоркой один из юнкеров, указывая дрожащей рукой куда-то в глубь залы. — Там они должны быть.

Обезоружив юнкеров, мы бежим дальше. Комнаты, комнаты, комнаты... Им, казалось, не было конца. Весь дворец уже гудел, как потревоженный улей. Слышались суматошные крики, ругань — это добивали непокорных юнкеров. Красно-

гвардейцы охапками сносили в одно место оружие.

Около одной из закрытых дверей стояли юнкера с поднятыми на изготовку винтовками. Лица их были решительны и злы. Одно мгновение, и они были отброшены от двери.

В полутёмной комнате окнами во двор стояли у стола шестнадцать министров-капиталистов Временного правительства с «диктатором» Кишинским во главе. Керенского среди них не было.

— Выходи, гады! — оглашенно заорал вихрастый красногвардеец, подбегая к министрам и щёлкая затвором винтовки.

— Назад! — раздался властный голос от двери.

Красногвардеец отпрянул назад. В комнату вошёл высокий пожилой человек. Чётко печатая шаг по полу, он подошёл к министрам и сказал:

— Именем Советской власти вы арестованы! Выходите!

Министры молча оделись, взяли свои портфели и один за другим, гуськом, вышли из комнаты. Их окружили красногвардейцы и повели вниз.

— Нянчиться я бы с ними не стал, — не выдержал вихрастый красногвардеец, смотря с ненавистью вслед министрам. — Сколько они нашего брата угробили, а мы должны их щадить!

— Молод ты, брат, оттого и глуп. Не понимаешь ты политической ситуации, — ответил ему какой-то старый рабочий.

Полчаса спустя Зимний дворец опять засиял огнями. Это были огни победившей Великой Октябрьской социалистической революции.

С «АВРОРЫ»

моряк

Идёт между клёнов
По парку моряк.
Блестит на погонах
Нахимовский знак.

А ветер летает
Над ним озорной
И гюйсом играет,
Как будто волной.

Мальчишки
В вельветках —
Тринадцати лет,
Его однолетки,
Глядят ему вслед.

Бывает, при встрече
Со старым дружкой
Заводит он речи
О деле морском.

И в их разговоре
Услышишь порой:

— Служу
На «Авроре».
— На той?..
— Да, на той.

М. ОСТРОВСКИЙ

ТОВАРИЩИ

РАССКАЗ

ПОЗДНО вечером в небольшом каменном корпусе, где помещалось Управление Путиловского завода, стояла тишина. Только из одного кабинета слышались голоса.

— Всему есть предел, господа. И человеческому терпению тоже, — говорил управляющий, кражистый могучий старик со свежим холеным лицом и чёрными, как дёготь, волосами. Только мешки под глазами да складки дряблой кожи на шее выдавали его истинный возраст.

— Забастовка длится уже два с лишним месяца. Если мне не изме-

няет память, — шестьдесят семь дней...

— Шестьдесят девять, — осторожно поправил кто-то из чиновников.

— Тем более! — воскликнул управляющий. — И кто бастует?! Подумать только — маляры! Весь завод, слава богу, работает, а всякие маляришки изволят бастовать! Им, видите ли, не нравятся новые расценки. И из-за этих пачкунов срывается выполнение важнейших заказов. Вот, полюбуйте, — управляющий подошёл к окну и указал рукой на заводской двор.

Все сидящие в кабинете каждый день бывали на этом дворе. Только что, направляясь сюда, на совещание, они тоже прошли по нему, но всё-таки вежливо повернули головы и посмотрели в окно.

Круги света от качающихся на ветру фонарей выхватывали из темноты длинные стволы пушек. Их было много, этих пушек. Словно стадо слонов, поднявших хоботы, они запрудили всю площадку.

Пушки выглядели странно. Сперва даже трудно было понять — в чём дело? Пушки, как пушки, а что-то в них всё же не так.

И только потом становилось ясно: да они же не покрашены!

Измазанные маслом, в пятнах и царапинах, металлические стволы, вздёрнутые к небу, казались старыми и вовсе не такими уж грозными.

И всё потому, что они не были покрыты ровным слоем привычной краски.

Присутствующие на совещании знали, что такие пушки находятся

не только во дворе. И разве одни лишь пушки? На заводских железнодорожных путях стоят десятки новых готовых вагонов. Но отправить их заказчикам тоже нельзя. И всё из-за той же «мелочи»: не покрашены...

— Пора, господа, положить конец этому безобразию, — сказал управляющий.

Чиновники переглянулись. Пора, конечно. Но как?

Снова повесить расценки малярам? Но правление категорически против этого. Нет, на уступки идти нельзя. Дашь палец, потом и всю руку откусят.

Нанять других маляров? Пытались. Ничего не вышло. Эти «угнетённые пролетарии» теперь цепко друг за друга держатся. Не хотят быть штрейкбрехерами.

Словно поняв, о чём думают собравшиеся, управляющий сказал:

— Это, конечно, трудно. Но необходимо. Выход один — найти замену бастующим. Да, я знаю: уже пробовали... Попробуем снова. Но энергично. Предложим новым малярам хорошие условия. Временно, конечно. Неужели во всей столице среди безработных не найдётся желающих? Не верю!

На следующий день возле главных ворот Путиловского завода на заборах и столбах появились объявления: «Срочно требуются опытные маляры. Оплата хорошая!»

Такое же объявление было напечатано в газете «Копейка».

ЧАЙНАЯ находилась в подвале с низко нависшим тяжёлым сводчатым потолком. В неё вели восемь каменных ступенек, протёртые посередине тысячами подошв. Как раз напротив входа на стене масляной краской была нарисована огромная серебристо-зелёная русалка с распущенными волосами, купающаяся в серебристом же, вероятно, от луны, пруду.

Хитрый художник не случайно изобразил именно русалку: стены подвала были влажные, по ним всё

время текли струйки. Другую картину это портило бы, а к русалке даже подходило.

Столы здесь были покрыты липкими клеёнками, табуретки шатались, но это никого не трогало. Чайная находилась возле Путиловского завода, и народ сюда ходил простой.

Ранним утром в почти пустой чайной, сдвинув вместе два столика, у стены, под русалкой, сидели шесть человек.

Половой * в длинной белой рубаше, с полотенцем, перекинутым через руку, стоял возле стойки, не обращая на эту компанию никакого внимания. Клиенты были не из дешёвых. На столе у них стояли лишь два пузатых чайника, гранёные стаканы, блюда с кусками сахара, да лежала горка твёрдых, как камни, солёных сушек. И всё.

Половой знал — эта компания будет сидеть и час, и два, и три, но больше ничего не закажет.

Это были бастующие маляры с Путиловского.

* Слуга в трактире

Каждый день спозаранку сходились они к воротам своего завода. Приходили неизвестно зачем, просто по многолетней привычке. Но внутрь не шли. Потолкнутся у проходной, поглядят, как течёт мимо поток рабочих.

А погода осенняя — туман, дождь, слякоть. Поят, пооят, да и завернут в чайную. Тут хоть в тепле и горло кипятком прополощешь.

...Половой подметил, что нынче маляры были необычно взволнованы. Они уже видели многочисленные объявления на заборах.

— Плохо дело, — подытожил один из них, немолодой, с жёсткой щёткой усов и твёрдым, немигающим взглядом.

Пятеро остальных молча согласились с ним.

Всё это были люди пожилые, семейные. Два месяца забастовки и безденежья тяжело отразились на них.

Каждый из шестерых думал об одном: что же теперь делать?

Вскоре в чайную зашёл ещё один посетитель — молодой, с весёлыми, озорными глазами. Он сдёрнул мокрую кепку, ударил ею о колено, отряхивая, пригладил мокрой ладонью русые волосы и подошёл к сдвинутому столикам.

— Здорово, Пётр, — хмуро приветствовал его один из маляров.

Остальные молчали.

— Приуныли? — сказал Пётр, пожимая всем руки. — Объявленьица не нравятся?

— А тебе они, видать, по вкусу? — откликнулся кто-то. — Сияешь, как новый пятак...

— Мыслишка хорошая появилась, вот и сияю, — весело объяснил Пётр.

— Хорошая мыслишка? — недоверчиво переспросил один из маляров. — Пойти на поклон к хозяину? Прекратить стачку? Какие сейчас ещё могут быть мыслишки?!

— Могут! — воскликнул Пётр. — Могут, честное слово! Вы, братцы, не волнуйтесь. Всё будет в порядке.

ПОЕЗД шёл медленно. Вагон потряхивало на стыках, дребезжали стёкла, в соседнем купе раздражающе звякала крышка чайника.

Иннокентий Николаевич — старший мастер малярной мастерской Путиловского завода — беспокойно ворочался на полке.

«Скоро ли эта проклятая Вологда?»

Он повернулся на другой бок, плотно закрыл глаза, но заснуть всё равно не смог.

Интересно, как встретят его там, в Вологде? Управляющий заверил, что всё подготовлено: начальство железнодорожных мастерских согласилось отпустить на месяц двадцать пять маляров.

«Всё подготовлено! — Иннокентий Николаевич усмехнулся. — А согласятся ли сами маляры ехать в Питер?»

Вагон резко дёрнуло. Поезд со скрежетом остановился. Иннокентий Николаевич выглянул в окно.

Станции не было. Вероятно, стояли у семафора. Вскоре поезд снова двинулся.

«Впрочем, — подумал Иннокентий Николаевич, — а почему бы малярам не согласиться?»

Пудобнее устроившись на полке, он закурил.

«Определённо согласятся, — подумал он. — Наши-то питерские маляры почему не шли? Знали о стачке. Боялись, — штрейкбрехерами их ославят. А те, вологодские-то, ничего не знают. Чего ж им не пойти?!»

Он успокоился и вскоре заснул.

Утром поезд прибыл в Вологду. Иннокентий Николаевич сразу отправился к начальнику железнодорожных мастерских.

— Да, да, — сказал начальник. — Мне звонил ваш управляющий. Всё сделано. Когда вы хотите побеседовать с рабочими?

— Как можно быстрее...

— Хоть сейчас, — сказал начальник.

Он взял со стола медный колокольчик, позвонил.

— Проводите господина Вахрушина в мастерские, — распорядился он.

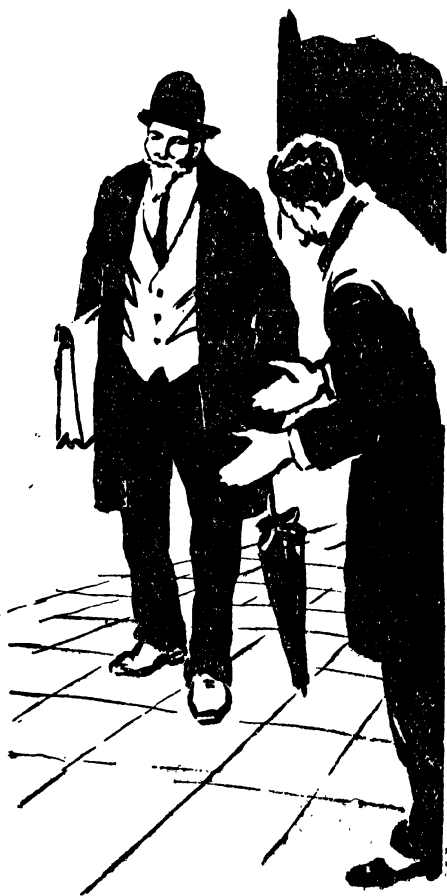
Молодой человек в тщательно отглаженном костюме, с усиками и красиво уложенными волосами повёл Иннокентия Николаевича в мастерские. Они вошли в приземистый закопчённый корпус, миновали длинный ряд верстаков и станков. Тут, в самом конце корпуса, работали маляры.

Молодой человек, сопровождавший Иннокентия Николаевича, что-то сказал одному из маляров, и вскоре все они, положив инструменты, собрались у конторки, молча, с любопытством разглядывая Иннокентия Николаевича.

— Господин Вахрушин, — сказал молодой человек, — приехал из столицы. Он желает с вами побеседовать.

Маляры молчали.

Иннокентий Николаевич подошёл к конторке, откашлялся. Неторопливо, стараясь не повышать голоса,

рассказал рабочим, зачем он сюда приехал.

— Нам срочно нужны маляры. Оплата получше, чем у вас. Проезд туда и обратно за наш счёт, — закончил он.

Маляры молчали.

— А что, в Питере, видать, маляры перевелись? — выкрикнул кто-то.

Иннокентий Николаевич ожидал такого вопроса и ещё в поезде подготовил убедительный ответ.

— Нам нужны опытные, умелые работники. Чтобы сразу, с ходу включились в дело, — сказал он. — Вы здесь отделяете вагоны, и у нас тоже будете красить вагоны. Сами знаете, — работа деликатная. Тут надо не просто кистью махать, — с умом требуется. А взять неопытных да обучать, — времени у нас нет.

Снова наступило молчание.

— Значит, проезд за ваш счёт? — спросил черноволосый парень.

Пиджак и брюки его, и даже лицо, были обрызганы мелом, Казалось, он веснушчатый, только веснушки эти — белые.

— За наш, за наш, — поспешно подтвердил Иннокентий Николаевич.

— А жильё? Тоже за ваш счёт? — допытывался всё тот же парень.

— И жильё, конечно, — ответил Иннокентий Николаевич.

— А фартуки? — поинтересовался парень.

— И фартуки...

Иннокентий Николаевич думал, что на этом дотошный парень успокоится. Но не тут-то было.

— А фонари? — крикнул парень. — Тоже за ваш счёт?

— Зачем вам фонари? — не понял Иннокентий Николаевич. — У нас светло...

— Я про те фонари спрашиваю, которые нам подставят бастующие!

Иннокентий Николаевич вздрогнул. Боже мой! Откуда этот горлопан здесь, в Вологде, узнал о стачке путиловцев?

А парень уже раздвинул плечом стоявших впереди маляров и вышел к конторке.

— Господин Вахрушин сказки рассказывает почище нашей бабки Анисьи! — воскликнул он. — Но мы не ребята малые. Нам сказки ни к

чему. Нам правду подавай. А правда — вот она...

Он выхватил из кармана газету.

— Так и называется — «Правда», — показал он большие, чёткие буквы названия.

Парень развернул газету и внятно, громко, видимо, наслаждаясь каждым словом, прочитал заметку. В ней подробно рассказывалось, что на Путиловском беспричинно снизили расценки малярам. Они забастовали, и вот уже семьдесят шесть дней не выходят на работу.

Эта заметка поразила Вахрушина, словно гром среди ясного неба.

«Боже мой! Вот не везёт! — думал он. — Ведь надо же именно сейчас, через два с половиной месяца после начала стачки, в «Правде» почему-то поместили эту заметку! Почему именно сейчас? Не раньше и не позже!»

Иннокентий Николаевич не знал, что заметка не случайно появилась именно в эти дни.

Когда по приказу управляющего повсюду были расклеены объявления, что на Путиловский срочно требуются маляры, бастующие встревожились. Но Пётр в чайной не зря заявил, что у него есть хорошая «мыслишка». Вместе с двумя товарищами он пошёл в редакцию «Правды».

— Помогите!

— Постараемся, — пообещали в редакций.

И в следующем номере появилась эта корреспонденция. Она кончалась призывом:

«Места бастующих не занимать!»

— «Места бастующих не занимать!» — закончил чтение парень, усыпанный белыми веснушками, и, взмахнув газетой, закричал:

— Так неужто ж мы подлюгами, штрейкбрехерами будем?!

Иннокентий Николаевич уже давно понял: всё пропало. Можно уезжать обратно в Питер не солоно хлебавши.

— Тут иуд нету!

— Мы не продажные! — кричали из толпы.

Молодой человек, сопровождавший Иннокентия Николаевича, тронул его рукой за плечо и указал глазами на выход. Иннокентий Николаевич кивнул. Под свист и смех рабочих они ушли.

А маляры ещё долго не расходились, стояли в углу цеха, весело обсуждая неудачу вербовщика.

УТРОМ в чайной под серебристо-зелёной русалкой снова собралась группа маляров.

На столе у них стояли лишь два пузатых чайника и гранёные стаканы. Даже дешёвых солёных сухешек теперь не было. Стачка длилась уже 81 день. Деньги у бастующих давно иссякли, перебивались из последнего, кто как мог.

— Я нынче на завод заглянул, — сказал один из маляров. — Пушки всё так и стоят. Некрашенные. И вагоны тоже...

— Ещё больше стало. Ни проехать, ни пройти. Все пути забиты, — сказал другой.

— А что проку? — хмуро воскликнул третий. — Вот мастер в Вологду, говорят, ездил. Может, скоро оттуда понаедут иуды...

Рабочие замолчали.

В чайную шумно влетел Пётр. Вид у него был радостный.

— Глядите! — ещё с порога крикнул он, потрясая газетой.

Все бросились к нему.

Это был свежий номер «Правды».

Одну заметку кто-то жирно обвёл красным карандашом. Пётр стал громко читать её.

Это было письмо вологодских маляров. Они рассказывали, как в Вологду приезжал мастер с Путиловского, пытался завербовать их.

«Мы не стали штрейкбрехерами, — радостно читал Пётр. — Уверены, что и другие маляры не будут предателями».

Пётр перевёл дыхание и торжественно закончил:

«Просим передать бастующим малярам-путиловцам собранные нами 82 рубля 47 копеек.

В единстве — наша сила!»

А. Усанова

Рисунки
Р. Фридмана

П О Л Ю Б И Т Ь М А Ш И Н У Н А Д О !

Рано утром на завод
Отправляется народ.
Ветер ждёт друзей-рабочих,
Он приветлив и не груб.
Гладит шляпку и платочек,
Кепку, лысину и чуб.

Встретит ласково, по-русски,
И проводит всех подряд:
Крепдешиновую блузку
И сатиновый халат.
Полинявшую матроску,
Гимнастёрку без погон,
Дорогой костюм в полоску
И простой комбинезон.

Словно в праздник разодет,
На завод шагает дед.
Будний день, не выходной,
Шумно, людно в проходной.

Собрались друзья гурьбой,
Торможат наперебой.
А вопросам нет числа:
«Как здоровье?
Как дела?»
Дед смеётся: «Жив, здоров,
Обхожусь без докторов.
Огорчён немножко тем, —
Не работаю, а ем!»

Дед аллейкою прямой
В цех шагает, как домой.
У него одна забота:
Молодой в цеху народ,
Вдруг не клеится работа —
Все идёт наоборот?

В тополях до самой крыши,
В чистой зелени аллей
Цех как будто стал-повыше,

Понарядней, посветлей.
По деревьям скачут пташки,
Мирно кружит стрекоза.
К деду тянутся ромашки
И «Анютины» глаза.
Дед идёт, не чуя ног,
Посмотреть на свой станок.
До чего ж знакомый путь!
Дверца скрипнула чуть-чуть.
Пол, как прежде,
Чист и гладок,
У станков былой порядок.
К своему идёт станку.
Глаз хозяйский начеку.

За станком стоит рабочий,
Долговяз, да молод очень.
Дед следит за парёнком.
Тот станок включил рывком,
Мигом выключил опять,
Что-то начал исправлять.
Плашку сдвинул,
Поднял шум,
Крутит гайки наобум.
Подошёл поближе гость,
Подхватил деталей горсть.
Не спеша взглянул на них —
Двадцать годных,
Три плохих.
Старый мастер
Стал сердиться:
«Так работать не годится!»
Растерялся паренёк.
«Винovat не я, — станок.
Не машина, — драндулет.

Ей в субботу — двести лет!»
Дед нахмурился, как ночь:
«Зря машину не порочь».
Гайки снял. Рукою плашку
Чуть иначе повернул.
Не беда, что смял рубашку,
Галстук в масло окунул.
Подвернул винты — готово!
Начинай работу снова!
Вот теперь станок настроен.
«Так держать, Аника-воин!
Ни к чему рывки, досада, —
Полюбить машину надо!»

Парень стиснул деду руку,
Молвит:
«Я станку — не враг.
Не забуду про науку,
Научусь не делать брак!»
А старик в ответ: «Ну, то-то,
Знаний требует работа!»

Дед походкой деловой
Походил по кладовой.
Похвалил рабочий класс —
Есть детали про запас.

Заглянул попутно в душ.
На полу не видно луж.
Есть чем мыться,
Вытираться,
Словом,
Не к чему придраться!

Все станки поют, грохочут,
Цех работает, живёт.

Нет, балясы здесь не точат
И баклуш никто не бьёт.
Не подводит молодёжь!

И сказал старик: «Ну что ж,
Походил, довольно, старый.
Направляй домой шаги.
Отдыхай за самоваром,
Кушай с бабкой пироги!»

МНОГИЕ ленинградцы до сих пор помнят живые документальные репортажи с фронта, которые вёл в годы блокады корреспондент ленинградского радио Лазарь Ефимович Маграчёв.

2 мая 1945 года вся страна слышала его первый репортаж из только что взятого Берлина. Ему довелось присутствовать при подписании капитуляции фашистской Германии.

За пятнадцать лет работы на радио Л. Е. Маграчёв сделал тысячи репортажей, документальных записей и очерков. В этих передачах у микрофона выступило более 55 тысяч человек.

Л. Маграчёв

Рисунки В. Вильнера

Встречи у микрофона

РАЗНЫЕ, друзья, бывают встречи.

Вот встреча в школе — это понятно. Встреча на катке, в театре, в гостях — это тоже всем понятно...

— А что же это за встречи у микрофона? — спросите вы. — Чьи встречи, с кем, по какому поводу?

Но автор не сразу вам ответит. Я — радиожурналист. А так как работнику эфира не так уж часто доводится выступать на печатных страницах, то и решил воспользоваться этим случаем, чтобы прежде сказать несколько слов о своей профессии...

А профессия у меня, друзья, очень счастливая. Да-да, именно так. Потому что, конечно же, это большое счастье много путешествовать по нашей стране, сталкиваясь с различными людьми, быть свидетелем важных событий и тут же обо всём увиденном и услышанном рассказывать по радио миллионам людей.

Вы знаете, что у каждого журналиста всегда есть при себе блокнот или записная книжка, куда он за-

носит всё то, что покажется ему наиболее любопытным, значительным, интересным. К этим записям он очень часто возвращается.

У радиожурналиста тоже есть такая записная книжка, только несколько своеобразная — звуковая. Это магнитная лента, которая надолго запечатлевает живые голоса людей. И мы также имеем возможность, «перелистывая» её, возвращаться к судьбам людей, с которыми довелось радиокорреспонденту встречаться и разговаривать.

Что такое магнитофон, запись на плёнку, — знает каждый. Заметим только, что радиокорреспондент имеет сейчас в своём распоряжении аппаратуру очень портативную, то есть небольшую. Репортёрский магнитофон весит всего 8 килограммов, его можно носить через плечо, как сумку, очень быстро включать для записи. И хотя аппарат маленький, но пишет хорошо, как большой...

Сколько людей останавливалось у моего микрофона за пятнадцать

лет работы на радио, пожалуй, и не сосчитать...

И каждая встреча чем-нибудь посвоему была примечательна. Потому что ведь выступают у нас на радио только хорошие люди, которые заинтересовали корреспондента какими-нибудь благородными человеческими поступками, подвигами в труде или необычайностью своей судьбы...

И вот о нескольких таких встречах у микрофона я и хочу рассказать вам, дорогие читатели «Искорки»...

ДОВОДИЛОСЬ ли вам когда-нибудь, друзья мои, бывать в длительном путешествии? Если доводилось, то вы, вероятно, согласитесь со мной, что в пути, в дороге, люди очень быстро знакомятся, я бы даже сказал больше — сближаются...

Войдёшь на станции в вагон, займёшь своё место в купе и сразу начинаешь оглядываться: с кем едешь, с кем придётся коротать время в пути.

И должен заметить, что если вам повезёт и попадутся хорошие попутчики, то никакая, даже самая длинная, долгая дорога никогда не покажется трудной и утомительной.

И вот рассказ об одной встрече в пути...

Это было три года назад, в погожий светлый июльский день. Я сел в поезд в Москве и направился в Одессу. Спутниками оказались два молодых человека, разговаривавших на каком-то совершенно незнакомом языке, и невысокая светловолосая, очень симпатичная девушка в тёмных роговых очках, из-за которых смотрели два неподвижных зрачка. Девушка была слепой...

Её бережно ве-

ла в купе и усадила на нижнюю полку подруга. Как уже потом выяснилось, они вместе работали. Девушки о чём-то своим заговорили, а мы, мужчины, не желая им мешать, вышли в коридор, закурили. И вдруг один из моих спутников сказал, правда, очень плохо выговаривая русские слова:

— Как это тяжело думать, товарищ, такая молодость и такой темнота в глазах...

А его приятель довольно бойко заметил:

— И какая симпатичная девушка...

В этот момент дверь открылась, и в коридор вышла подруга нашей попутчицы. Она очень долго и внимательно нас разглядывала, видимо, желая оценить, что мы за люди такие, а потом вдруг решительно и даже несколько резковато сказала:

— А что вы здесь стоите? Вы бы лучше пошли, поговорили с Катюшей. А то ей там скучно одной...

И тут же она рассказала нам короткую, но весьма и весьма грустную историю.

Екатерине Арсеничевой было тогда двадцать лет. Год назад, когда она работала в Москве на стройке высотного здания, с ней случилось большое несчастье. Не помню сейчас уже точно, каким образом, но оборвался трос, и на голову девушки опрокинулся чан с негашёной известью. Катя ослепла. Её положили в больницу. Оперировали лучшие московские специалисты, хирурги — глазники. Сделали ей шесть необычайно сложных и трудных операций. Но зрение Катюше вернуть не смогли...

Тогда девушки, товарищи по работе, повезли Екатерину Арсеничеву в Одессу, к знаменитому Филатову. Филатова, правда, на месте не оказалось. Ка-

тюшу приняли его ассистенты. Смотрели долго, внимательно и сказали: «Трудный случай, очень трудный случай, девушка. Но мы всё-таки подумаем. И если только что-нибудь можно будет сделать, мы вам сообщим».

И вот Катя Арсеничева снова едет в Одессу. У неё на руках вызов, направление в клинику. Врачи, видимо, решились ещё на одну операцию...

— Так идите же, идите же к ней, — заторопила нас подруга. — И, смотрите, не давайте ей скучать...

Когда мы вошли в купе, Катюша чуть подвинулась на своей нижней полке и сказала:

— Товарищи, вы ведь тоже, кажется, до Одессы едете? Присаживайтесь, будем знакомиться...

И знакомство состоялось. Нашими спутниками оказались два молодых человека из Албании. Один из них — Софо Кличичи, студент четвёртого курса Московского института киноинженеров. Он направлялся на родину, на производственную практику. А его друг, молодой албанский певец Ментор Джемали,

только что окончил Московскую консерваторию и тоже держал путь в Албанию...

Ну, а потом Катюша Арсеничева сама рассказала нам о себе. Она говорила негромко, но магнитофон, который и на этот раз оказался при мне, запечатлел на плёнке её печальные слова...

— Ничего я не вижу, темно, темно вокруг... — Она помолчала и потом уже весело произнесла: — Вот еду в Одессу. Меня врачи вызвали — профессор Пучковская. Значит, можно надеяться...

...Катюша смолкла, задумалась о чём-то своём, а албанский юноша Ментор Джемали вдруг поднялся с места, нервно скомкал папиросу, которую держал в руках, бросил её, подошёл к верхней полке, открыл чемодан, достал гитару, перевязанную красной лентой, и, присев близко-близко к Катюше Арсеничевой, откинул назад свои пышные, выходящие волосы и сказал:

— А сейчас я спою для тебя...

Катя улыбнулась и потрогала рукой струну...

Ментор запел. Заглушая шум колёс, звучал в купе его сильный, приятный баритон... Поезд мчался, были какие-то станции, полустанки. Но албанский певец не отходил от постели московской девушки Екатерины Арсеничевой. Он пел ей одну песню за другой. Протяжная русская мелодия сменялась весёлыми звуками народной словацкой частушки, задорной польки... Катя слушала, затаив дыхание. Она была по-настоящему счастлива. Многие песни она просила повторить. Но больше всех ей, помню, понравилась народная албанская песня о подснежнике, о молодом цветке, который тянется к жизни, свету...

*На полянках, на лужайках
Я смотрю на все цветы.
Но тебя нигде не вижу.
Мой подснежник, где же ты?*

НАШ поезд подходил к Одессе. Тут мы распрощались и с албанскими нашими друзьями и с московской девушкой Екатериной Ар-

сеничевой. Распрощались, и все мы, мужчины, конечно, пожелали Катюше как можно легче перенести предстоящую ей трудную операцию и как можно скорее всё-всё кругом увидеть. И Катюша ответила нам, вся засветившись в улыбке:

— Я надеюсь...

...Эта встреча, напоминаю, произошла три года назад. Не раз за это время я мысленно возвращался к судьбе Екатерины Арсеничевой, не раз перелистывал блокнот, в котором записан был её московский адрес, и прослушивал плёнку с записями, сделанными в поезде...

Но как-то казалось мне неудобным к ней обращаться. Я думал: «А вдруг ничего не вышло, вдруг опять неудача, и, может быть, я письмом своим причину девушке лишнюю боль»...

Но вот совсем недавно я сам получил письмо от Катюши Арсеничевой. Небольшой листок бумаги, вырванный из тетради, и на нём такие замечательные строки:

«Дорогой товариш! Я всё вижу...»

Ну, а что было дальше, догадываетесь? Конечно же, вскоре мы встретились. Я навестил Катю в Москве. Она живёт в уютной светлой комнате, в новом доме (кстати, этот дом она сама и строила). Пришёл я неожиданно и очень удачно застал её дома.

— Здравствуйте,— сказал я, крепко пожимая Катюшины руки, — узнаёте?

— Нет... — растерянно ответила девушка.

Мне стало неловко за свой вопрос. Ведь при первой нашей встрече Катюша ничего не видела. Откуда же она могла меня знать? Но тут всё разъяснилось, и, конечно же, ей было очень приятно встретить старого знакомого. Я поставил перед ней микрофон.

— Собираюсь написать о вас радиоочерк, Катюша, и хочу, чтобы вы сами сообщили всем о своей большой радости...

И вот на плёнке звучит взволнованный девичий голос:

— Дорогие товарищи! Я всё вижу: вижу солнце, вижу цветы, вижу всё-всё вокруг.. — А потом вдруг она смолкла... Оказалось, что Катю смущает микрофон...

Я очень просил её перебороть волнение и продолжить свой рассказ, но это ей не удавалось. И только когда микрофон был отодвинут в сторону, Катя чуть успокоилась, и мы могли продолжить разговор.

Оказывается, все эти годы многие, очень многие люди боролись за Катины глаза, за то, чтобы в них появился свет, за то, чтобы она видела...

Двадцать операций в клиниках Москвы и Одессы было сделано Екатерине Арсеничевой лучшими врачами. Пересадка роговицы. Эта операция требует не только большого мастерства хирурга, но и необычайного терпения, можно даже сказать — мужества самого больного. Ведь после каждой операции следуют недели абсолютного покоя: без всякого движения надо лежать, даже головы повернуть нельзя...

Но чего только не выдержишь, если впереди надежда!..

И Катя стойко переносила все испытания. Однако был момент, после пятнадцатой или шестнадцатой опе-

рации, когда девушка вдруг потеряла веру в благополучный исход.

— Всё равно бесполезно, — сказала она профессору. — Не тратьте на меня время...

— Ох, и попало же мне тогда! — вспоминает сейчас с улыбкой Катюша. — Так на меня Надежда Александровна рассердилась...

А потом была ещё операция и ещё, и ещё...

— Но, в общем, всё хорошо, что хорошо кончается. Настойчивость советских врачей победила. В глазах девушки блеснул свет. Катюша Арсеничева видит, и видит с каждым днём всё лучше и лучше.

Последние операции ей были сделаны в Одессе профессором Надеждой Александровной Пучковской. Когда Катюша узнала, что, может быть, радиопередачу о ней будут слушать и в Одессе, она сама попросила меня пододвинуть микрофон и включить аппарат на запись.

— Я обязательно хочу сказать Надежде Александровне несколько слов. Ведь она так много для меня сделала...

Заметно волнуясь, Катя поднялась с места и прерывающимся голосом тихо, совсем тихо сказала:

— Дорогая Надежда Александровна. Мне так много хочется вам сказать. Но мысли у меня разбегаются. Я о вас очень много думаю. Ведь вы мне самый близкий человек, как родная мать. Да, именно

как родная мать. Ведь вы вернули мне жизнь, дали мне свет в глаза, дали мне радость видеть всё! Спасибо вам большое, Надежда Александровна. Я надеюсь, что скоро с вами встречусь и смогу вас крепко обнять и поцеловать..

Ну, а потом, разумеется, разговор зашёл о нашем друге из Албании — о Менторе Джемали. Тут Катюша оживилась, даже чуть покраснелась. Она сняла со стены карточку своего албанского товарища (это он ей подарил на память ещё в поезде три года назад) и, пристально разглядывая фотографию, задумчиво произнесла:

— Мы ведь были так мало знакомы, а как он ко мне душевно отнёсся и какие прекрасные песни пел...

Катя улыбнулась вдруг широко и ясно и снова приблизилась к микрофону, произнесла неожиданно громко:

— Ментор! Дорогой Ментор! Я шлю вам самый большой привет. Это говорит Катя Арсеничева. Помните меня?..

И тут-то наступила минута, очень подходящая для сюрприза, который я приготовил своей давней знакомой.

— А ведь Ментор Джемали вас слышал сейчас, Катюша...

Девушка недоверчиво взглянула на меня.

— Нет, серьёзно. И не только слышал. Он вам ответит сейчас же.

И тут я включил плёнку, на которой был действительно записан голос Ментора Джемали (я ему заранее сообщил о том, какие счастливые перемены произошли в жизни Кати Арсеничевой, и он прислал из Тираны небольшой рулон магнитной плёнки).

Катя, прижав руки к груди, затаив дыхание, слушала голос далёкого друга. А он звучал горячо и взволнованно, как-то особенно громко заполняя собой небольшую комнатку.

— Катя!.. Я всё знаю. Я так рад за вас, что мне даже трудно выразить...

И точно отвечая на только что заданный девушкой вопрос, Ментор Джемали произносит:

— Я помню вас, милая Катюша, и очень часто о вас ду-

мал все эти годы. Примите же от меня самый большой привет, пожелания счастья и ещё — песню, ту самую песню, которая, помните, так понравилась вам в поезде на пути в Одессу...

И мы снова услышали бархатный баритон Джемали. В комнате Катюши Арсеничевой в Москве звучала из Албании песня о подснежнике, о молодом цветке, который тянется к свету, к жизни...

ВОТ прочитали вы, друзья, рассказ о судьбе московской девушки Кати Арсеничевой. А теперь давайте подумаем: чей же здесь подвиг и кто его совершил?

Может быть, это подвиг врачей, которые упорно делали одну операцию за другой, стараясь во что бы то ни стало вырвать Катюшу из власти тьмы...

Может быть, это подвиг албанского нашего друга, который тогда, на пути в Одессу, не отходил от совсем незнакомой ему московской девушки и пел для неё не переставая...

Или, может быть, это подвиг самой Екатерины Арсеничевой, которая так мужественно перенесла все страдания, жадно стремясь увидеть хоть проблеск света...

Или, может быть, это их общий подвиг?..

А впрочем, вряд ли тут стоит говорить о подвиге. Вернее будет сказать так. Перед Катюшей Арсеничевой раскрылся не только яркий свет

солнца. Она увидела больше, чем можно увидеть просто глазами. Она увидела красоту души, величие и чистоту сердец окружающих её простых, хороших людей.

Голубая лыжня

Заснеженный двор огибая,
Седой огибая плетень,
Лыжня, на заре голубая,
Ведёт в наступающий день.

И снова подъёмы, откосы,
И крылья расправь — и лети.
У белых берёз паровозы
Поют о счастливом пути.

И нужно сквозь стену метели
Пробиться, прорваться туда,
Где в небо вонзаются ели
Точёными стрелами льда.

В. ШОШИН

(ЗАПИСКИ МОРЯКА)

Мы вошли в просторную бухту острова Сент-Томас. Этот зелёный клочок земли приютился в архипелаге Виргинских островов, за которым шумит Карибское море.

Мы знали, что на этом острове растёт множество лавровых деревьев и сахарного тростника, что отсюда вывозятся на продажу душистая лавровая эссенция и свирепый ямайский ром.

Знали мы и о том, что все эти богатства создаются тяжёлым трудом местных жителей — негров. И прежде всего мы знали, что островом владеют американцы.

Но все мы были на Сент-Томасе впервые. Стояли первые дни ноября. Здесь, на острове, мы собирались встретить свой великий праздник. А потому понятно, с каким особен-

ным интересом смотрели мы на зелёный берег и небольшой город на нём. Почти у самых стен города качались высокие мачты многочисленных рыбачьих лодок, а чуть поодаль возвышались пологие холмы. Сквозь их пышную растительность кое-где проглядывали роскошные усадьбы хозяев острова.

Берег был красивым и нравился нам. Все мы устали от солёной и знойной пустыни Атлантического океана, по которому плыли целый месяц, добираясь из Европы сюда. И теперь все шумно радовались прибытию на этот маленький островок, который с первого взгляда очаровал своей тропической красотой и со стороны казался редкостным уголком человеческого благополучия.

Едва стали на якорь, как наше судно было окружено лодками с неграми. Они дружно приветствовали нас. Человек пятнадцать быстро и ловко вскарабкались на палубу. Это были ребята в возрасте

от 10 до 15 лет. Кожа у всех чёрная, волосы ещё чернее, даже синевой отливают. Ноги босые, нередко покрыты болячками и ссадинами. Руки грубые, мускулистые, привычные к физической работе. У каждого — самодельное ведёрко, сделанное из большой консервной банки.

Было время обеда. Мы пригласили ребят в нашу корабельную столовую, накормили. А потом они все, как по команде, выстроились возле камбуза. Тут наш кок сразу догадался, зачем были в руках у ребят пустые банки, и быстро наполнил их пищей. После этого ребята, весело балагурия, отправились по домам. К ужину они снова были у нас на судне.

И так повелось. 12 дней простояли мы в этом порту, и ребята ежедневно появлялись к обеду и к ужину. Жадно ели и увозили домой своим родным полные банки вкусной, добротной пищи.

— А вы неплохо придумали, ребята, — с улыбкой заметил наш боцман, свободно говоривший по-английски, — так можно, пожалуй, всю жизнь прожить без труда.

Негры шумно запротестовали. Оказывается, к другим судам они остергаются приближаться, так как там с ними поступают очень грубо, оскорбляют, гонят, как паршивых собак, и даже обливают помоями.

— А почему же к нам вы так смело являетесь, да ещё с банками?

Негры наперебой стали рассказывать о том, что много раньше сюда заходило другое советское судно, на котором их тоже хорошо встретили и кормили. И что сам капитан того судна велел им приезжать обедать и ужинать и брать с собой посуду. А на прощанье капитан сказал, что они могут смело являться и на любое другое советское судно, что их там тоже хорошо встретят. С тех пор прошло много дней, и вот сегодня они снова увидели в гавани советский флаг, чему очень обрадовались и поспешили к нам на судно.

— И правильно сделали, — ска-

зал подошедший старпом. — У нас вас никто не обидит.

Эти приветливые слова очень обрадовали ребят. Глаза их утратили затаённый страх и теперь смотрели смело и весело.

Из дальнейшей беседы с неграми мы узнали, что многие из них очень волновались, подъезжая к нашему судну. Им казалось, что хороший приём на ранее побывавшем здесь советском корабле был совсем случайным и объясняется просто тем, что капитан оказался добрым человеком. И хотя этот капитан говорил ребятам, что на любом советском судне их будут встречать хорошо, они всё же мало верили этому, потому что на других кораблях всё было иначе.

Но теперь они все убедились в том, что русский капитан говорил правду.

Поблагодарив нас за гостеприимство, ребята уехали домой.

Вскоре мы высадились на берег и пошли по главной улице города. Это была асфальтированная улица с небольшими домами в один или в два этажа. Все они имели очень неказистый вид вблизи, но вид этот скрадывался густой зеленью. На этой улице сосредоточились все административные учреждения и торговые заведения города. Было много мелких лавок и кабаков. Встречались молитвенные дома, из раскрытых дверей которых доносилось на улицу хоровое пение. Было очень много босоногих пешеходов. По-хозяйски расхаживали высокие, здоровые полицейские с большими пистолетами на боку.

Познакомившись с главной улицей, мы свернули в одну из боковых. Это была пыльная, кривая и очень узкая улица, похожая на мрачный коридор. С обеих сторон поднимались глухие глинобитные стены. Улица казалась совсем заброшенной, нежилой. Но вот слева, прямо в глухой стене, показалась раскрытая дверь, за ней был виден длинный захламлённый двор. От уличной стены в глубину двора тянулось

приземистое серое здание со множеством дверей.

Все двери были распахнуты настежь, и против каждой из них прямо на земле копошились чёрные ребятишки, почти все совершенно голые.

В глубине двора сидели две очень старые негритянки и мирно дремали. И странная тишина стояла кругом. Даже не верилось, что перед нами было с полсотни живых малышей.

А малыши деловито ковырялись в земле, двигались по двору, что-то передавая из рук в руки. Они вели какую-то непонятную, безмолвную игру, без обычной детской резвости и непринуждённости. Словно всё это происходило не на яву, а на экране немого кинотеатра.

Мне захотелось поближе разглядеть этих молчаливых детей. Но едва успел я переступить порог калитки, как царившая здесь тишина нарушилась отчаянными воплями перепуганных малышей, и все они стремительно скрылись внутри барака. Двор опустел. Очевидно, появление белого человека заставило ребят прекратить свою игру и спасаться бегством.

Мы чувствовали себя очень виноватыми перед малышами и не стали им больше мешать. Заглянули в соседние боковые улицы. Все они были очень похожи на первую. Всюду была такая же запущенность и нищета.

А каким прекрасным казался этот город с корабля!

Вернувшись из города, мы выпили по стакану кофе и разошлись по каютам. Завтра, 7 ноября, — наш великий праздник. Надо хорошо выспаться, чтобы быть свежими и бодрыми.

Но я долго не мог заснуть. Передо мной, как на яву, вставали картины минувшего дня.

А потом пригрезился Ленинград. Только издали, с чужих берегов, мог я разглядеть его изумительную, неповторимую красоту. Пять раз обошёл я вокруг света и немало повидал всяких городов, в том числе

и красивых. Но я нигде не видел города с более скромным и мужественным, с более простым и вдохновенным лицом, чем наш любимец — Ленинград. Уже засыпая, я увидел свою старенькую мать. Она склонилась надо мной, и я снова, как в детстве, услышал чудесную сказку о далёкой счастливой стране. Ласковые руки матери бережно поправили моё изголовье, и сладкий, безмятежный сон, наконец, пришёл.

Было шесть часов утра, когда вахтенный матрос потрепал меня за ухо и сказал:

— Вставай, дружок, на уборку.

Освежившись под душем, я сунул ноги в деревянные колодки и в одних трусах поднялся на верхнюю палубу.

Вскоре на носовой палубе собрались все матросы, плотник и боцман. Пришёл старпом и объявил:

— После вчерашней генеральной уборки всё наше судно имеет отличный вид. Сегодня вы только скатите палубы и стенки надстроек. Затем приготовьте к подъёму флаги расцвечивания. Все работы закончите до подъёма флага. После уборки все, кроме вахтенных, могут быть свободны.

Мы быстро соединили два пожарных шланга и начали скатку палубы. Боцман, видя, что всем нам тут делать нечего, направил меня вместе с вахтенным матросом готовить флаги. Мы поднялись на мостик, достали два комплекта разноцветных шерстяных флагов международного свода сигналов и стали связывать их между собой.

Скоро у нас были готовы три длинных гирлянды. К этому времени были закончены все работы по уборке, и нас распустили на праздник.

До завтрака осталось целых полчаса. Быстро убрав свою каюту, я тщательно вымылся под горячим душем, побрился и, принарядившись, отправился завтракать...

В восемь часов утра на кормовом флагштоке развернулся новый большой Государственный флаг. Затем над головой затрепетали флаги рас-

цвечивания, и сразу всё наше судно приобрело нарядный, праздничный вид.

В столовой началась генеральная репетиция вечернего праздничного концерта. В кают-компании на нескольких досках сражались шахматисты. Смех и треск стоял на четвертом трюме, где обосновались любители домино. Вездесущие рыболовы устроились на ступеньках парадного трапа. Многие разбрелись по

судну с книжками в руках. Каждый отдыхал по-своему.

Перед обедом, по приказанию капитана, все, кроме вахтенных, собрались и построились на шлюпочной палубе. Перед экипажем встал капитан. Наступила торжественная тишина.

Капитан произнёс краткую приветственную речь и поздравил нас с праздником Великого Октября. Мы прокричали «ура» в честь сво-

его народа и славной Коммунистической партии. Затем старпом огласил праздничный приказ капитана, где отмечались достижения нашего экипажа и наиболее отличившиеся моряки. Мы встретили этот приказ дружными аплодисментами. После этого капитан сказал:

— Прошу всех к столу.

И мы спустились в столовую.

На столах сверкали белоснежные скатерти и стояли букеты ярких и пышных тропических цветов. На стене висел свежий номер стеной газеты, возле которой теснились моряки и весело смеялись.

Наконец все заняли свои места за столами и наполнили стаканы вином. Капитан поднялся со стула, и в столовой сразу стало тихо.

— Товарищи! Я не стану утомлять вас рассказом о достижениях нашей страны. Они огромны, и вы сами это знаете и чувствуете повседневно. Не буду я говорить и о жизни трудящихся в капиталистических странах. Эту жизнь вы тоже видите сами. Все вы знаете и о том, что чем дальше мы от своих берегов и чем больше мы бороздим морей, тем сильнее нам хочется к себе домой. Мы, моряки, лучше многих понимаем, что такое для нас наша Советская Родина. Я думаю, что выражу наши общие чувства такими словами: «Я счастлив, что я гражданин Советского Союза!»

С этими словами капитан поднял свой стакан. Все моряки сразу встали со своих мест и тоже подняли стаканы.

— За наше прекрасное Отечество!

Последние слова капитана были покрыты громовым «ура».

Вошёл радист и передал капитану пачку радиограмм.

— О, да тут куча поздравлений! — широко улыбаясь, воскликнул капитан. — Нас поздравляют с праздником товарищи из министерства, начальник пароходства, секретарь партийного комитета, председатель профсоюза. Пионеры нашего подшефного детского дома тоже горячо поздравляют нас с днём Вели-

кого Октября и просят привезти им летающую рыбу.

К началу концерта стало совсем темно. Почерневшее небо засверкало сказочным великолепием бесчисленных загадочных звёзд. Они ярко повторялись в зеркальной поверхности бухты, и порой казалось, что море играет таинственным светом глубин.

Временная сцена с раздвижным парусиновым занавесом была устроена на третьем трюме. Все наиболее удобные места перед сценой были заняты заранее.

Ровно в 20.00 прозвучал гонг, и концерт начался. Он состоял из двух больших отделений. В первом отделении выступили наши музыканты, декламаторы, певцы и танцоры. Последним номером был комический танец двух кочегаров и повара. Зрелище было уморительным и вызвало дружный смех зрителей.

Во время антракта часть зрителей поднялась на сцену для участия во втором отделении, а их места в публике заняли бывшие артисты.

Снова удар гонга. Сцена раскрылась. И перед нами была разыграна весёлая пьеса.

Вдруг перед занавесом появился радист и громко спросил:

— Сергеев здесь?

— Есть! — весело отозвался молодой матрос.

— Ну, вот и для вас пришла весточка, а вы волновались. Получайте! — И радист достал из кармана радиограмму.

Но Сергеев сидел далеко и пробраться к сцене ему было трудно.

— А вы прочтите её вслух, — посоветовал кто-то из публики.

И сразу несколько человек закричали:

— Читайте! Просим! Читайте!...

— Если товарищ Сергеев не возражает, то я... с удовольствием!

Все повернулись к Сергееву.

Он растерянно улыбнулся, махнул рукой и тихо сказал:

— Ладно!

Все снова повернулись к сцене,

Радист развернул депешу и прочёл.

«Из Ленинграда. Пароход «Днестр». Николаю Сергееву.

Коленька, милый, поздравляю с сыном! Весит 4 кило 200 граммов. Глазёнки твои, голубенькие. И голос твой, громкий. Дай имя нашему сыночку. Пришли по радио. Дома всё хорошо. Нам провели горячую воду. Поздравляем тебя и твоих товарищей нашим великим праздником. Крепко тебя целуем и ждём поскорее домой.

Твоя Валя и сыночек».

Все захлопали в ладоши и закричали:

— Папашу на сцену! Пропустите его! На сцену, на сцену!

Перед Сергеевым сразу освободился проход, и он скоро очутился на сцене. В ту же минуту рядом с ним появился капитан и поднял руку. Стало тихо.

— Товарищи! Наш концерт не-

много нарушился, но зато праздник стал ещё радостнее. Разрешите мне от имени всего нашего коллектива горячо поздравить товарища Сергеева и пожелать молодому отцу счастья. — И капитан крепко пожал руку матросу.

Все снова захлопали, и с разных сторон послышались поздравления. А счастливый папаша бережно держал в руках полученную радиogramму и широко улыбался.

Вдруг сквозь общий радостный шум прорезался тоненький голосок повара:

— А имя-то парню какое?

И сразу несколько голосов:

— Назови имя, имя, имя!

— Я... хотел бы... Володей... Владимиром!.. Как у Ильича... Одобряете, товарищи? — волнуясь, спросил Сергеев.

— Правильно! Одобрить! Хорошее имя! — послышались голоса,

И кто-то совсем решительно крикнул:

— Утвердить!

Во время этого шумного веселья капитан поднял снова руку, прося тишины. И когда стало тихо, провозгласил:

— За здоровье нового гражданина Советского Союза Владимира Николаевича Сергеева! Ура, товарищи!

Троекратное русское ура прокатилось над бухтой. Потом раздался голос председателя судового комитета машиниста Титова:

— Предлагаю послать по радио коллективное поздравление молодой матери. Кто за это?

Все дружно подняли руки.

— А теперь будем продолжать концерт! — объявил Титов.

На сцене начались спортивные представления. Сперва была французская борьба, потом акробатика и в конце всей программы — бокс. Последняя пара боксёров была наиболее занимательной. Состязались два матроса, два здоровяка. Но один из них выглядел заметно здо-

ровее другого. Это был признанный корабельный силач Костя Рылеев.

И вот для того, чтобы как-то уравнивать силы боксёров, глаза у Кости завязали полотенцем, а правую руку его подвязали за спиной. На левой руке у него была боксёрская перчатка.

Таким образом Костя Рылеев не мог видеть своего противника, — был наполовину связан, — и мог действовать только одной левой рукой. Иначе выходить с ним на бокс никто не соглашался.

Противник Рылеева Степан Вихорь был совершенно свободен. Перчатка у него была на правой руке, а в левой он держал колокольчик.

Вот Степан тряхнул колокольчиком и сразу отскочил в сторону. И вовремя, потому что Костя стремительно послал свою левую руку туда, где только что прозвенел колокольчик. Степан же изловчился и нанёс Косте крепкий удар, от которого тот отлетел на самый край трюма и едва удержался на ногах.

Среди зрителей пронёсся тяжёлый вздох, и кто-то тихо, но внятно сказал:

— Крепко бьёт!

Колокольчик прозвенел снова, и Костя снова слепо ударил в сторону противника, который уже успел переменить место и звонил совсем с другой стороны. Костя ринулся туда и опять промахнулся. А Степан нанёс ему новый сильный удар. Сам же опять увернулся от тяжёлой руки Кости.

Мы собирались вдоволь посмеяться над этим забавным зрелищем. Никто из нас, конечно, не предполагал, что полусвязанный и ослеплённый матрос скоро достигнет своего противника. Но так именно и случилось. Не успел коло-

кольчик отзвенеть ещё раз, как левая рука Кости настигла Степана и нанесла ему такой удар, что он перелетел через канатный барьер и свалился прямо на руки ахнувшей публики, а его колокольчик последний раз жалобно звякнул где-то далеко за бортом и замолк навсегда.

Гром аплодисментов и крики восторга разнеслись по нашей палубе. Побеждённого Степана подняли обратно на трюм, так как сам он встать не мог. Опираясь на руки товарищей, он пожал левую руку своего победителя.

И вот когда стали затихать наши аплодисменты, мы вдруг услышали ещё чьи-то, которые доносились со стороны. У нас, конечно, сразу наступила тишина. И мы стали вслушиваться и всматриваться в темноту окружавшей нас тропической ночи. Вспыхнули сильные электрические фонари, и мы увидели близ своего парохода много лодок, на которых сидели взрослые негры и хлопали в ладоши. Значит, они тоже смотрели нашу самодеятельность и теперь своими дружными аплодисментами выражали свою благодарность.

Это открытие всех нас очень обрадовало. Мы даже и не предполагали, что здесь, на чужбине, у берегов американской колонии, встретим свой Октябрьский праздник среди друзей. Это было так неожиданно и так хорошо, что у нас снова грянули аплодисменты. Но теперь мы приветствовали ими своих новых друзей. А негры продолжали аплодировать нам.

Вскоре мы покинули остров Сент-Томас. Негры очень тепло проводили нас. Многие из них на лодках двигались за кораблём и долго махали нам вслед.

Наш Маршак

(К 70-летию со дня рождения)

ПРИВЕТСТВУЯ однажды Самуила Яковлевича Маршака, Корней Иванович Чуковский сказал, что в его лице он поздравляет пять Маршаков: Маршака — детского писателя, Маршака — драматурга, Маршака — переводчика, Маршака — лирического поэта и Маршака — сатирика.

И всё же для нас С. Я. Маршак — прежде всего детский писатель, большой мастер и большой, настоящий друг миллионов ребят, которым он подарил целую сокровищницу чудесных сказок, стихов и пьес.

Ваши старшие братья и сёстры, а может быть, и ваши родители так же, как и вы, уже с малых лет твердили наизусть весёлые, звонкие стихи о детках в клетке, о глупом мышонке, об усатом-полосатом, стихи о мужественных, трудолюбивых, никогда не унывающих людях — о храбром пожарном Кузьме, о неутомимом почтальоне «с цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке».

Всё творчество Самуила Яковлевича наполнено огромной любовью к людям, взрослым и детям, уважением к их делам — играм, ученью, труду, подвигам. И этим он нам особенно дорог.

До войны поэт жил и работал в Ленинграде. Мне, как работнику редакций газеты «Ленинские искры» и как редактору газеты для маленьких «Ребята-октябрята», очень часто приходилось обращаться к С. Я. Маршаку за помощью и советом. Не помню ни одного случая, чтобы Самуил Яковлевич в чём-либо отказал газете или её читателям. Занятый кипучей творческой работой, колоссальным редакторским трудом, он всегда находил время выступать перед ребятами, приехать на праздник, на ёлку, на слёт...

Дружеский шарж.
М. Бекташева

Безотказно отвечал он на письма ребят, принимал участие в смотрах юных дарований, бережно и самоотверженно работал с юными поэтами.

Ленинградской поэтессе Вере Скворцовой было 11 лет, когда она выступила на смотре со стихотворением, глубоко растрогавшим С. Я. Маршака. Вот это стихотворение:

*Детство, детство, ты несёшься,
И летят, летят года.
Детство, детство, не вернёшься
Ты ко мне уж никогда.
И спокойно дремлет кукла
В пыльном ящичке в углу,
И валяются скакалки
В коридоре на полу.
И лошадка уж, игрушка,
Не несётся, не храпит,
А, понулив свои ушки,
Без одной ноги стоит..*

Стихи Верочки Скворцовой, так же как и стихи других талантливых ребят (некоторые из них тоже впоследствии стали писателями), С. Я. Маршак любовно и бережно собрал. Они вышли в 1936 году отдельным сборником под названием «Стихи детей».

С мудрой прозорливостью и щедростью, свойственными истинно одарённым натурам, умеет Самуил Яковлевич отыскать в человеке росточек, ещё никому не видимый, для того, чтобы он смог потом подняться и расцвести.

Помнится, давно это было, на вечер молодых детских писателей, на котором присутствовал С. Я. Маршак, пришёл ещё совсем юный парнишка — ученик ФЗО Петя Капица. Парнишка и не помышлял о профессии писателя, он просто интересовался литературой. Но почему-то именно он, самый юный из всех присутствовавших, привлёк к себе внимание С. Я. Маршака.

С удовольствием прислушиваясь к метким замечаниям подростка, глядя на него из-под очков добрыми, пронзительными глазами, Самуил Яковлевич весело говорил:

— Из этого паренька выйдет толк, — помяните моё слово!

И теперь, когда читаешь произведения ленинградского писателя Петра Капицы, невольно вспоминаешь тот вечер...

Самуил Яковлевич всегда умел прислушиваться к мыслям ребят и дорожить ими.

Первыми читателями его замечательного произведения «Мистер-Твистер» были деткоры «Ленинских искр». «Мистера-Твистера», так же как и многие другие произведения, С. Я. Маршак прежде всего опубликовал в нашей газете.

Свою большую любовь к детворе Самуил Яковлевич хранит и по сегоднешний день.

Ты буквы не знал.

Но ребёнком,

С младенческих лет,

был знаком

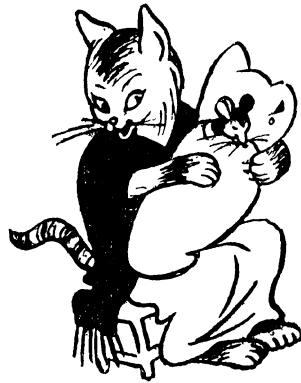
И с маленьким глупым мышонком

И с Джеком,

построившим дом.

И был ты уже
 знаком
 С рассеянным
 чудаком
 И с дамой, сдававшей
 в багаж —
 Диван, чемодан,
 саквояж!
 Ты знал наизусть
 загадки...
 Был дружен с тобой
 почтальон...
 И ветер качал
 палатки,
 И топал отряд,
 как слон...
 А строки поэмы
 весёлой
 Вели тебя
 в первый раз
 В ещё не знакомую
 школу,
 В ещё не знакомый
 класс.
 Ты вырос. Ты стал
 пионером,
 И чётко в строю
 твой шаг.
 А рядом с тобою —
 твой верный,
 Любимый поэт —
 Маршак!
 С тобой он шагает
 по жизни,
 И светят тебе
 везде
 Стихи о великой
 Отчизне,
 О мужестве
 и труде.

НЕДАВНО восемь красных следопытов из Выборга, Торковичей, Ленинграда за активное участие в игре «КС» были награждены редакцией газеты «Ленинские искры» поездкой в Москву. Четыре дня гостили они в столице. Посетили мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина, Кремль, Государственную Оружейную палату, побывали в Третьяковской галерее, на ВСХВ, в музеях.

Красных следопытов приняли у себя заместитель министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровина и поэт С. Я. Маршак. Мы попросили ребят рассказать о встрече с Маршаком.

В гостях у Маршака

НАШ приезд в Москву оказался удачным. В Доме детской книги в этот день открывалась юбилейная выставка произведений С. Я. Маршака. Нам всем хотелось увидеть любимого поэта и поздравить его с 70-летием. И вот мы на выставке. Мы стоим рядом с ним. Он расспрашивает нас о походах, потом усаживается с нами на диван. Фотографируемся вместе. Самуил Яковлевич приглашает нас к себе домой. Мы очень обрадовались.

Точно в назначенный час приходим к поэту. Нас, оказывается, уже ждут. Самуил Яковлевич выходит к нам.

— Ленинградцы!
Хорошо, очень хорошо! — весело говорит он и уже на пороге приветливо засыпает нас словами:

— А вы знаете, хоть я сейчас и москвич, а вот Ленинград знаю лучше. Ведь там я когда-то жил чуть не за всеми заставами, сколько улиц исхожено!..

Его живой, шуточный тон быстро успокоил наше волнение. Нам показалось, что мы его знали уже давно. Мы стали рассказывать Самуилу Яковлевичу о нашем

городе. Ленинград он помнит и любит. Здесь прошла его юность. Здесь, когда ему было тринадцать лет, встретился он с В. В. Стасовым. Владимиру Васильевичу понравились стихи юного поэта. Он купил Маршаку библиотеку, стал водить мальчика на концерты, выставки. На даче Стасова Маршак впервые познакомился с Репниным, Шаляпиным, Глазуновым, Горьким.

— Эти замечательные люди, — говорит Самуил Яковлевич, — были моими учителями. Они научили меня любить и ценить слово, искусство.

Красные следопыты у С. Я. Маршака.
Фото Тер-Ованесова

Многие ребята думают, что писать стихи легко. А я вот считаю, что хорошо написать трудно. Если писатель не ленится думать, если вложит душу, то в стихах отразится и радость и грусть. Он всё сможет передать своему читателю. Только читать тоже надо уметь.

— А когда вы начали писать? — робко спросил Володя Соловьёв.

— Рано, очень рано, — Самуил Яковлевич засмеялся. — Мне было четыре года. Помню, поехали мы на лето на Украину, и так мне понравились тогда новые места, что я даже сочинил по этому поводу две строки:

*Все хохлы и все хохлушки
Выбегают из избушки.*

А потом ещё:

*Я поэт знаменитый —
Каждый день бываю битый.*

Тогда я эти стихи сочинил легко. Много над ними не думал. Понадобилась к слову «знаменитый» рифма — не загрузил. Хорошо, пожалуйста: «знаменитый — битый». Подошло — ладно. Пусть будет «битый». И хотя меня никто никогда не бил, я всё-таки погрешил правдой и взял это слово ради рифмы. С тех пор прошло 66 лет. Много стихов, книг написал я за это время, а спросите: «Легко писать?» И я скажу: «Нет, трудно».

Мы сидели за столом, пили чай. Время от времени в комнате звонил телефон. Это поздравляли Самуила Яковлевича с семидесятилетием знакомые. При нас позвонил Лев Кассиль. В прихожей тоже то и дело раздавался звонок. В комнату внесли корзины цветов — это от друзей, от издательств... За час, который мы провели у Маршака, комната на наших глазах превратилась в цветущий сад.

Во время беседы Самуила Яковлевича вызвали в кабинет. Вернулся он к нам минут через пять сияющий, довольный.

— Друзья! — весело сказал он. — Сегодня запущен второй спутник, и на нём пассажир — собака.

Самуил Яковлевич с восторгом называл размеры нового спутника, восхищался смелостью мысли изобретателей и тут же вспоминал о первых самолётах, которые ему довелось наблюдать под Петербургом вместе с поэтом Александром Блоком.

Целый час гостили мы у Маршака. Целый час слушали его увлекательные рассказы. Эта чудесная встреча с весёлым и гостеприимным поэтом останется в нашей памяти надолго.

Прощаясь, Самуил Яковлевич пожелал всем красным следопытам успеха и просил нас передать привет ленинградским ребятам.

Володя СОЛОВЬЁВ, Люся ЖИТНЯК, Люся ЗОТОВА,
Серёжа ШЕБАЛКОВ, Толя АГАНЕСЬЯН, Нина САМУ-
СЕНКО, Юра РАЗМЕТОВ, Нина МЯСНИКОВА — красные
следопыты

Золотая дудочка

НОВОГОДНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

УЧАСТВУЮТ: { Дед Мороз.
Зайка-Зазнайка.
Мишка-медведь.
Волк.

На сцене стоит нарядная ёлка. Слева — домик, жилище Волка. Справа — ледяные ворота, вход в царство Деда Мороза.

* * *

З а й к а (выбегает). Здравствуйте, ребята! А вот и я — знаменитый Зайка-Зазнайка! Услыхал я в лесу, что собрались вы на весёлый праздник, — прифрантился, принарядился и приискал сюда поздравить вас с новым счастливым годом. (Из-за сцены слышится стук и рычание.) Однако кто-то идёт! Кто-то стучит! (Появляется Мишка, он катит перед собой большую бочку с надписью «Мёд».) Здравствуй, Миша! Ты тоже на праздник пришёл?

М и ш к а (приплясывая). Попеть, погулять и под ёлкой поплясать! Погляди, я с утра уже полную бочку мёду съел!

З а й к а. А разве ты умеешь плясать?

М и ш к а. Вот как умею! (Поёт, приплясывая).

*Возле ёлки звери ходят —
Топ-топ-топ!*

*В новогоднем хороводе —
Хлоп-хлоп-хлоп!
Распевают звонко песни —
Топ-топ-топ!
Наша ёлка всех чудесней —
Хлоп-хлоп-хлоп!*

(Зайка тоже пляшет. Из-за сцены раздаётся бой часов).

З а й к а. Батюшки! Часы бьют! Сейчас придёт Дед Мороз! Бежим встречать дедушку!

М и ш к а (обрадован, приплясывает на месте). Бежим!

З а й к а. Скорее! (Хватает Мишку за лапу. В зал.) Не скачайте, мы скоро вернёмся! (Убегают вприпрыжку).

(В домике распахнулось окошко).

В о л к (выглядывает в окно). А назад придут, — не обрадуются! (Смеётся, выбегает, рыщет по сцене.) Ишь, распрыгались! А я вот как дубинкою размахнусь, да как игрушки все перебью! (Подкрадывается к ёлке с дубинкой, замахивается.) Раз... два...

М и ш к а (выбегает, хватается за дубинку). Стой!

В о л к. А ну, пусти! (Тянет дубинку).

М и ш к а. Не пущу!

Волк. Отдай!

Мишка. Не отдам! (Толкает Волка дубинкой.) Вот тебе! (Волк падает, Мишка заносит над ним дубинку).

Волк. Мишенька, пощади! Мишенька, не губи!

Мишка (опускает дубинку). Ладно, прощу тебя ради праздника. Уходи, да нам не мешай!

(Волк, пятясь, идёт к своей избушке).

Волк. Что ты, Мишенька! (Скрывается в домике).

Мишка (один). Испугался! Больше не сунется! (Смеётся).

Зайка (влетает пулей). Идёт, идёт, идёт дедушка! Ура! Музыку! (Играет музыка, на воротах царства Мороза зажигаются лампочки. Торжественно выходит Дед Мороз. Зайка звонит в колокольчик.) Тишина! Слово имеет наш гость и волшебник Дед Мороз! (Деду.) Прошу!

Мороз (ставит на землю сундучок, раскланивается). Здравствуйте, ребяташки! Здравствуйте! Поздравляю вас с новым счастливым годом! Здравствуй, Миша-лесной богатырь! (За руку здоровается с

Мишкой.) Здравствуй, ёлочка! (Кланяется ёлке; в ответ на ёлке три раза вспыхивают лампочки).

Зайка (удивлённо). Ого! Даже ёлочка ему отвечает!

Мороз. А то как же! Мы с нею давно дружим: в одном лесу жили, на один праздник пришли. А ты кто такой?

Зайка (подбегает, звонко рапортует). Я знаменитый Зайка-Зазнайка — гроза лесов и полей!

Дед. Однако ты шустрый, как погляжу. Но чем же ты знаменит?

Зайка. А я всех на свете смелей! Все звери зимою спят — холодов боятся, даже птицы на юг летят, а я один в лесу живу, никого не боюсь!

Мороз. Да не может этого быть!

Зайка. А как же: грачи улетели? Скворцы улетели? Ласточки улетели? Ёж — на что иглокож, да и тот под землёю спит...

Мороз. А волки?

Зайка (хохочет). Улетели, убежали — меня испугались!

Мороз. А это кто? (Указывает на Волка, который выглянул из окошка).

Зайка (пугается). Ой-ой-ой! (Прячется за Деда Мороза).

Мороз. Вот так храбрец! А ещё говоришь, что Волк тебя испугался! (Волку.) А ты, серый, смотри, не балуй! (Волк скрывается.) Ну, получайте подарочки! Вот тебе, Миша, медовый пряник! (Подает.) А тебе игрушка — приятная, занятая, не совсем понятная! (Подает свистульку «уйди-уйди»).

Зайка. А я знаю, что это такое! Смотрите! (Свистит.) Да я с такой игрушкой всех зверей в лесу разбужу!..

Мороз. А теперь самое главное. (Достаёт из сундучка большой свёрток.) Вот!

Зайка. Какой большой!

Мороз. А ты погоди! (Развёртывает одну бумагу за другой.) Вот оно!

Мишка и Зайка. Дудочка!

Зайка (прыгает). Дай подержать! Дай поиграть!

Мороз. Ладно, держи, только раньше времени не играй! Не простая это дудка — чудесная. Как протрубишь в неё, — загорятся на ёлке звёздочки! Береги её! Никому не давай!

Зайка (получает дудочку). Никому, никогда, ни за что не отдам!

Волк (из домика). А я отниму!

Мороз. Тише, ты! Ишь, какой прыткий! Запру-ка я лучше тебя на замок! Вот так! (Вешает замок на двери домика, передаёт ключ Мише.) Береги этот ключик, Мишенька, а то Волк вы-

скочит. Да давай унесём сундучок подальше. А ты, Заинька, карауль дудочку! (Уходит с Медведем).

Зайка (один). Вот так дудочка! Молодец дедушка, что мне её отдал! Теперь дудка в надёжных лапах! Как-никак, а я самый храбрый заяц во всём лесу! (Поёт).

*Я под ёлкою сижу,
Во все стороны гляжу,
Во все стороны гляжу,
Чудо-дудку сторожу!*

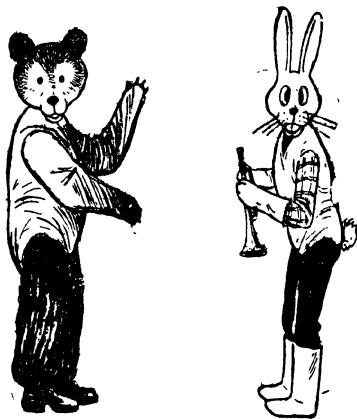
Волк (выглядывает из домика). Эх, достать бы мне эту дудочку — не простую, золотую, волшебную! Не видать бы им тогда ёлки, как своих ушей! (Зайке.) Заинька, беленький, покажи мне свою дудочку.

Зайка. Нельзя, моя дудка чудесная!

Волк. А почему она чудесная?

Зайка. Потому что интересная. Если в неё протрубить, — загорятся на ёлке звёздочки! Дедушка так сказал.

Волк. Неправда. Смеётся над тобой дедушка. Не чудесная твоя дудка, а самая что ни на есть простая.

Зайка. Как ты смеешь так говорить!

Волк. Ну, ну, пусть будет по-твоему. Но у меня тоже есть чудо, во сто раз чудеснее твоей дудки.

Зайка. А какое же это чудо?

Волк. Замочек. Тот самый, что у меня на дверях висит. Достань ключик, сними замочек, постучи им в землю три раза — тук-тук-тук, и вырастет из земли...

Зайка. Что? Что вырастет?

Волк. Морковка!

Зайка. Так я тебе и поверил! Не бывает зимой морковки.

Волк. Не хочешь — не верь, только я тебе же добра желаю. Надоело, небось, грызть кору да жевать прутики. А морковка-то красная, самая прекрасная!..

Зайка. Замолчи!

Волк. Молчу, молчу. Делай, как знаешь! (Исчезает в окне).

Зайка (один, смеётся). Испугался! Спрятался! А я-то как ловко ему ответил: не верю — и дело с концом! (Задумывается.) А вдруг и правда морковка вырастет? (Присматривается к замочку.) Замочек-то не простой, замочек-то золотой, чудесный, очень интересный! (Видит Мишку.) Тсс... Мишка идёт! Ай-ай-ай, а у Мишки на шее ключик... Мишенька, ты куда?

Мишка (появляется с санками). Идём на санках кататься!

Зайка. И рад бы, да недосуг: видишь, дудочку стерегу. Хочешь, я подержу твой ключик, а то ты станешь с горки кататься да ещё потеряешь.

Мишка. Ладно, держи. (Передаёт Зайке ключик.) И то — как бы не обронить. (Уходит).

Зайка (вслед). Счастливо кататься! (Один.) Ну вот я и ключик достал. Волк-то не видит, ничего не слышит, а я ключик поверну (приближается к домику, отпирает замок)... замочек сниму... Вот он! Неужели зимой морковка вырастет? Попробую... (Стучит замочком в пол.) Тук-тук-тук... Не растёт! Тук-тук-тук... Всё ещё не растёт! Да что же это такое?! Тук-тук-тук... Тук-тук-тук... (Волк выходит из домика, подкрадывается к Зайке, хватая его).

Волк. Попался, косой! Отдавай волшебную дудочку!

Зайка (вырывается). Мишенька, помоги! Дедушка, где же ты? Обманул меня серый Волк! (Убегает. Волк за ним. Играет музыка, погоня вокруг ёлки. Заяц выбегает). Не догонишь! (Пробегает).

Волк (бежит следом). Догоню! Проглочу! (Пробегает).

Зайка (опять выбегает). А я-то быстрее бегу! (Скрывается).

Волк (опять появляется). Всё равно не уйдёшь! (Пробегает).

Зайка (появляется в третий раз). Беда! Сейчас сюда прибежит! А ну-ка, спрячусь! (Прячется за бочку.) Ребята, не давайте меня! (Исчезает за бочкой).

Волк (выбегает, запыхавшись). Уф! И быстро же скачет этот зайчишка! Но где же он? Эй, ребятишки, вы не видали его?.. А он не спрятался здесь? Нет? А зайцем-то пахнет. (При-

нюхивается.) Вот он где! (Бросается к бочке, но Зайка высовывается и свистит прямо в нос Волку: «уйди-уйди»! Волк пугается, падает. Зайка опять убегает.) Ах, вот ты как! Отдавай сейчас же дудочку! (Волк вскакивает, бросается в погоню. Бегают вокруг бочки).

З а й к а. Получай! (Толкает бочку на Волка, тот падает. Зайка бросается в избушку и там запирается.) Попробуй-ка догони!

В о л к (встаёт, отряхивается). Фу-фу-фу! Куда же он провалился?

З а й к а (из окна). Я в избушке сижу, во все стороны гляжу!.. (Свистит в свою свистульку).

В о л к. Вот пострел! Теперь мне до него не добраться! (Зайке.) Заинька, миленький, подари мне дудочку. И я хочу поплясать под ёлочкой.

З а й к а (с хитрецей). И рад бы тебе помочь, дружок, да нет у меня дудочки.

В о л к. Как так нет? А где же она?

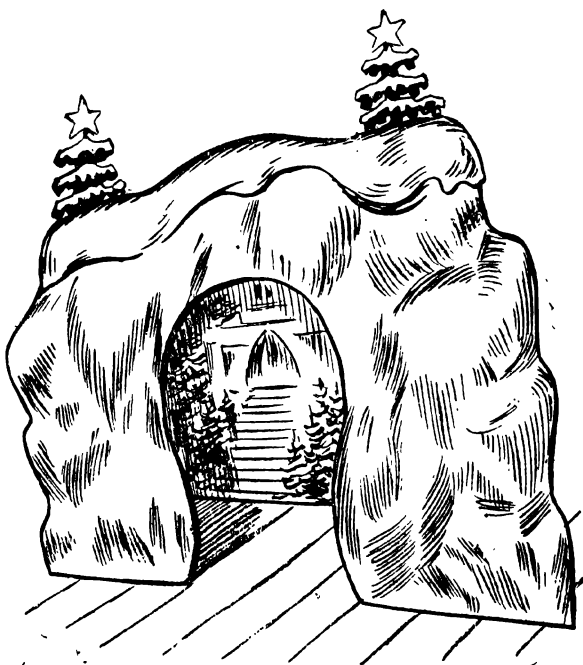
З а й к а. Да я её потерял.

В о л к. Где потерял?

З а й к а. Беда, серенький: в бочку её обронил. За бочкой сидел, тебя испугался, а дудочка в бочку — бух, и нет её!

В о л к. Как нет? В бочке дудочка! В бочке! (Прыгает в бочку.) Сейчас я её достану!..

З а й к а (выходит из домика).

Ищи, серенький, хорошенько. (Подбегает к кулисе, зовёт.) Мишенька, неси крышку от бочки — в бочке Волк! (Выходит Мишка с крышкой и дубинкой.) Тише, Мишенька, тише... (Волку.) Нашёл, серенький?

В о л к (из бочки). Нет ещё.

З а й к а. А ты в оба гляди... (Вместе с Мишкой закрывает бочку.) Попался, который кусался! Садись, Мишка, сверху да заколачивай!

О б а (заколачивают днище дубинкой). Стук-стук, в десять рук! Стук-стук, в десять рук!

М и ш к а. Теперь крепко — не выскочит! (Зайка хохочет.) Да ты чего смеёшься?

З а й к а. А дудочка-то, дудочка у меня! (Показывает.) Вот она! Чудесная, прелестная, самая интересная! (Пляшут от радости).

М о р о з (выходит). Что за шум? Что за веселье? Заинька,

хорошо ли ты караулил дурную дочку?

Зайка. Лучше всех, дедушка! И дудочку сохранил и Волка в плен взял!

Мишка. Хотел у Зайки дудочку отнять, а мы его посадили в бочку! Вот сюда! (Стучит дубинкой по бочке).

Мороз. Так уберите его скорее! (Мишка и Зайка катят бочку.) Так будет с каждым, кто осмелится помешать нашему счастью! Труби, Зайка, в волшебную дудку! Ёлочка, загорись! (Заяц трубит, на ёлке вспыхивают огни, все поют и пляшут).

Все.

*Возле ёлки звери ходят —
Топ-топ-топ!*

*В новогоднем хороводе —
Хлоп-хлоп-хлоп!*

*Распевают звонко песни —
Топ-топ-топ!*

*Наша ёлка всех чудесней —
Хлоп-хлоп-хлоп!*

*Будет новый год весёлым —
Топ-топ-топ!*

*Отдохнём и снова в школу —
Хлоп-хлоп-хлоп!*

*Долго помнить будем ёлку —
Топ-топ-топ!*

*И учиться на пятёрку —
Хлоп-хлоп-хлоп!*

(Все трое, танцуя, уходят со сцены).

Советы юным режиссёрам

В НЕБОЛЬШОМ новогоднем представлении М. Туберовского «Золотая дудочка» всего четыре действующих лица: Дед Мороз, Зайка-Зазнайка, Мишка-медведь и Волк. Поэтому здесь нет главных и второстепенных ролей. Все роли главные.

Первая, важная задача для тех, кто хочет поставить это представление, — правильно распределить роли между ребятами, правильно назначить исполнителя на каждую роль.

Было бы смешно, если бы Мишку-медведя играл самый маленький мальчик, а Зайку-Зазнайку — боль-

□
М. А. КРАСНЕР,
артист Театра юных
зрителей

□
шая полная девочка. Внешний вид (рост, голос и т. д.) в данном случае имеет большое значение. Дед Мороз должен быть наиболее высоким из исполнителей, для того, чтобы все звери оказались значительно ниже его. Желательно, чтобы у него был низкий голос. Исполнителю роли Мишки-медведя хорошо быть полным, довольно крупным по своей фигуре и, наоборот, роль Волка может испол-

нять худой и подвижный мальчик. Для исполнения роли Зайки-Зазнайки лучше всего подобрать маленькую ростом, но быструю, живую девочку.

Однако внешность — это только небольшая часть дела.

Самое главное — подумать о том, каким должен быть Зайка-Зазнайка, или Волк, или Дед Мороз.

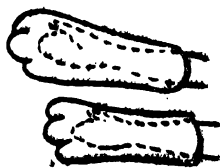
Деда Мороза в жизни не бывает, но все представляют себе это сказочное существо добрым, приветливым, властным (его любят и слушаются не только ребята, но и звери). Дед Мороз всегда ценит и уважает

смелость, правдивость, чувство дружбы и товарищества и не терпит зла, трусости, эгоизма. Таким и должен быть наш Дед Мороз. С Волком, который хочет испортить праздник у ребят, он разговаривает строго, резко, сурово. Он не боится Волка, но, зная его коварство, не допускает на праздник. Медведя и Зайку-Зазнайку он любит, доверяет им, хотя знает все их слабости, недостатки. Но больше всего ему дороги ребята, сидящие в зале. Для них он хлопочет, устраивает ёлки, для них он приглашает на праздник своих лесных друзей. Поэтому все слова, обращённые к ребятам, — это самые тёплые, душевные слова.

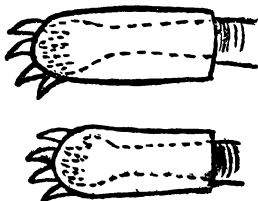
Если мы можем только представить себе, каким должен быть Дед Мороз, то о Волке, Медведе, Зайце мы многое знаем. Это звери, которые водятся в наших лесах. Правда, у нас в спектакле они сказочные, но должны иметь характер, повадки, похожие на повадки настоящих зверей. Вспомните, какими были зайцы, волки или медведи, которых мы видели в Зоопарке или в цирке. Медведи всегда немного неуклюжие, медлительные, с ленцой. Если можно так выразиться, то медведь немного тугодум. Он добродушен, хотя в минуту опасности может стать очень свирепым.

В нашем представлении, когда Медведь хватается за дубинку, которой Волк хочет разбить игрушки на ёлке, он это делает спокойно, уверенно, может быть, даже одной лапой. Ведь он знает свои силы! Медведь стоит на месте, держит дубинку и вертит её вокруг себя, а Волк, пытаясь вырвать дубинку, бежит за ней вокруг Мед-

ведя, как на привязи. И только на одну минуту рассердился Медведь, когда зарычал: «Вот тебе!», толкнул Волка, занёс над ним дубинку и... опять успокоился. Так же спокойно и уверенно забивает он бочку, в которую попался Волк; садится на неё как ни в чём не бывало, в то время как Зайка долго не может успокоиться, отдувается прыгает и только

Лапы зайца

Лапы волка

Лапа медведя

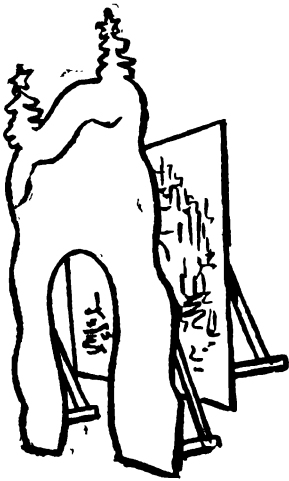
потом, вспомнив о дудочке, хохочет.

Волк — это хищник. Основное качество его характера, которое нам наиболее интересно, — это злоба. Отсюда все его резкие движения: неожиданные перебежки, прыжки, семенящий шаг. И слова он скорее выкрикивает, чем говорит, иногда может и завывать от злости (когда у него отняли дубинку, когда Зайка ускользает от него во время погони, ког-

да он попадает в бочку).

Что касается Зайки-Зазнайки, то у нас это не совсем обычный заяц. Как каждый заяц, он немного труслив, не только быстро в своих движениях, но и быстрее других меняет своё «настроение». Очень легко переходит от доверчивости к испугу и наоборот — от радости к горю. Заяц посвоему хитёр. Вспомните книги, где рассказывается о зайцах. Как они пытаются запутать свои следы на снегу — прыгают в разные стороны. И наш Зайка-Зазнайка, когда Волк гонится за ним, чтобы отнять дудочку, тоже хитрит. Он убегает в одну сторону сцены, и пока Волк бежит и ищет его там, неожиданно появляется с противоположной стороны.

Однако наш Зайка ещё и зазнайка. Это качество, наверное, трудно заметить в настоящих зайцах, но зато оно встречается среди ребят. И зазнайство Зайки, как и всякое зазнайство, очень быстро обнаруживается. Сначала Зайка-Зазнайка хвастается перед Дедом Морозом в своей силе, тем, что его все боятся, даже волки. Но как только он замечает Волка, трясётся от страха и прячется за Деда Мороза, уткнув свою мордочку в его шубу. В самом начале спектакля, когда Зайка-Зазнайка представляется ребятам, раздаётся стук и рычание Мишки-медведя. Конечно, «знаменитый Зайка-Зазнайка», как он сам о себе говорит, пугается этого шума и сразу прячется. И только потом, узнав своего приятеля, смело выходит к нему. Тут же, вначале, во время гонца Зайки и Мишки, раздаётся бой часов. Зайка, не поняв, что это за бой, прячется в страхе за Мишку и только после несколь-

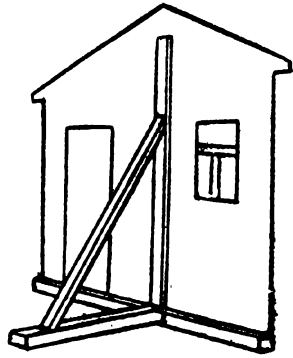

ких ударов часов, со словами «часы бьют», выделяет из-за Мишки-медведя. Таких мест в поведении Зайки можно найти много, и они подчеркнут его зазнайство.

Чем больше черт характеров героев вы найдёте и сумеете передать, тем интереснее будет наше представление.

Теперь несколько слов о вещах, которые играют в представлении: дудочка, замок, ключик — всё это должно быть больших размеров и ярко по окраске (особенно дудочка). Если трудно найти большую бочку, в которой мог бы поместиться Волк, то её можно заменить ящиком.

Что касается песен и плясок, то лучше всего выбрать одну из знакомых песенок, на мотив которой можно петь эти слова. Если в вашей школе нет ребят, которые любят или умеют танцевать и которые могли бы помочь в постановке танцев, то это не

страшно. Танцы здесь могут быть самые простые — хоровод и присядка. Для выходов Деда Мороза и для финала хорошо сыграть очень торжественный марш.

Летний сад

Ярко небо голубое.
Вдоль Невы блестит гранит...
— В Летний сад идём с тобою, —
Мама Люде говорит.
Смотрит
Люда:
Что за чудо? —
В нём сугробы,
Как верблюды,
Снег кружится у оград
И летит на ветви...
— Это, мама,
Зимний сад,
А совсем
не Летний!

И. ДЕМЬЯНОВ

КОМУ, ЧТО НРАВИТСЯ

(Песенка-шутка для голоса с фортепьяно)

Музыка М. Феркельмана

Слова А. Залетаевой

Но скоро

Пе-тя таксу повстречал, го-лю-во-ю

покачал и задумался над нею: «если б нож-ки по-длин-не-е и пря-мы-е, как у

нас, был бы песик в самый раз». Так са Пе-тю

повстречала, го-лю-во-ю не покачала, но сказать как будто хо-чет: «если б нож-ки по-ко-

роче и кривы-е, как у на-ас,

в самый р-раз.

был бы мальчик

The illustration shows a man in a trench coat and hat standing next to a dachshund dog. They are looking at a small house in the background. The man is holding a bag. The dog is looking up at the man. The house is on a hill with some trees and a fence.

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

ПАртизанам в их борьбе с фашистами во время оккупации Брестской области помогли два мальчика—Володька и его друг Коля Гайшик. Вначале они собирали для партизан брошенное оружие, а затем Коля не раз доставлял в соседнее село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура, листовки в бидоне с молоком. За Колей следил предатель Козич, которому фашисты поручили выведать, где скрываются партизаны.

Наступила весна. Связь с партизанами нарушилась, дороги в лесах стали непроходимы. Вынужденное безделье тяготило. Коля решил навестить Еленку, которая жила в соседней деревне Яблонке. Брат Еленки, Петрусь, был партизаном. Придя к Еленке, Коля застал там и Петруся. Из разговора он понял, что Петрусь ушёл от партизан и намерен работать на немцев в Ивацевичах. Подозрение о предательстве закралось в сердце Коли.

Из Ивацевичей доходили слухи, что Петрусь сошёлся с Козичем и по его рекомендации играет в пивной на гармошке. Слухи эти были достоверны.

Однажды в избу Гайшиков пришла Еленка и пригласила Василия Демьяновича в Яблонку. — «Гости у нас. Поговорить с вами хотят», — сказала она. Коля успел рассказать отцу о своих подозрениях. К вечеру Василий Демьянович вернулся и сказал: — Завтра пойдёшь в Ивацевичи, понесёшь молоко и с тобой пойдёт Еленка. Она понесёт яйца продавать. — А зачем Еленка? — Так надо, — отрезал отец.

С рассветом Еленка зашла за Колей, и они направились в Ивацевичи. У здания управления войта было много повозок. Вайнер приказал собрать старост крупных посёлков, чтобы получить информацию и объяснить, как перекрыть дороги партизанам. Как раз в это время к полицейскому, дежурившему возле дверей, подошла девочка. Она попросила пропустить её до пана войта, насчёт работы. Полицейский велел приходить завтра, но девочка настаивала, так как пришла издалека. Помогли яйца. Получив два крупных яйца, полицейский пропустил девочку в управление.

У дверей с надписью «Приёмная» девочка остановилась, вздохнула, толкнула дверь рукой, потом сунула голову в образовавшуюся щель.

В приёмной толпился народ. Какая-то сморщенная старушка стучала на машинке. Дверь налево была открыта и, видимо, вела в кабинет войта.

Девчушка присела на деревянную скамью возле двери. Мимо неё проходили люди с какими-то бумагами и папками. Слышалась белорусская и польская речь, сдобренная отдельными немецкими словами.

А девчушка тихо сидела на лавке, прижимая к себе узелок. Сердце её то замирало, то начинало тревожно биться. Видимо, она раздумывала, к кому

Продолжение. Начало см. №№ 2-3—10.

бы обратиться. Никто не обращал на неё внимания. Вдруг она смешно сдвинула белёсые брови, решительно поднялась и вошла в кабинет войта.

Там, так же как и в приёмной, стояли вдоль стен скамейки. Прямо против двери стоял письменный стол, за которым сидел войт. От этого стола вдоль комнаты, прямо посередине, тянулся ещё один длинный стол, кругом обставленный стульями.

За ними сидели дядьки и о чём-то ожесточённо спорили.

Девочка села у стенки, сунула лукошко с яйцами под лавку.

— Ты что здесь делаешь? — строго спросил у неё молодой парень с испачканными чернилами пальцами.

— Я... я насчёт работы.

— Иди-иди. Видишь, пан войт занят... Завтра придёшь...

Девочка печально вздохнула, встала со скамейки и побрела прочь из кабинета, через приёмную, по коридору, к выходной двери.

— Ну что? Поговорила? — спросил полицейский.

— Поговорила, — весело ответила девушка.

— Вижу, что поговорила — без лукошка назад идёшь.

Девочка попрощалась и быстро зашагала прочь.

КОЛЯ ждал Еленку в условленном месте — в переулке, неподалёку от управления войта. Переулок был маленький, кривой. Над ним высоко стояло солнце. Покосившиеся плетни и заборы отбрасывали неровные тени на жухлую прошлогоднюю траву и на бледно-зелёные ростки, пробивающиеся сквозь неё.

Чтобы не привлекать к себе внимания редких прохожих, Коля присел на корточки возле чьего-то забора, извлёк из кармана выдавший виды складной ножик, открыл его и несколько раз ловко воткнул в землю. Земля у забора была влажной, и лезвие ножа входило в неё легко и выстревало прочно.

Коля неторопливо начал бросать ножик с ладошки, с кончиков пальцев, с локтя, с подбородка, с носа, со лба — всё это были «фигуры» игры «в ножички».

Когда-то, когда ещё не было войны, на переменах в школе ребята собирались за штабелями дров и играли «в ножички» на лесные орехи, на фантики от конфет, а то и просто на щелчки. Ох, и доставалось лбу проигравшего!

Давно это было! Сейчас ножик не слушался и то и дело падал плашмя. Коля повторял неудавшуюся «фигуру», не переставая краем глаза следить за углом, откуда должна была прийти Еленка. Сейчас он, пожалуй, проиграл бы даже малышу. Только кто же будет играть «в ножички», когда идёт война, кругом враги и так много, так много трудных и важных дел. У всех.

Вот Еленка. Она сейчас у войта. Коля точно не знает, зачем она там, но понимает, что по делу. Зря бы не послали.

Солнце греет почти по-летнему. Полдень, наверно, а Еленки всё нет.

Из-за угла показался мужчина. Коля склонился над ножичком, будто больше ничто на свете его не интересует. Раз — лезвие вонзилось в землю.

Мужчина поравнялся с Колей.

— Быстро! За мной!

Коля вздрогнул и поднял голову, но мужчина уже шагал дальше, и Коля увидел только его спину.

«Петрусь» — узнал Коля и обернулся. Из-за угла показалась Еленка.

Коля быстро выпрямился и пошёл следом за Петрусем, не упуская его из виду. Дважды Петрусь сворачи-

вал в переулочки, такие же кривые, как тот, в котором Коля играл «в ножички». Потом извилистой тропкой пересек чей-то огород и вышел к покосившемуся сараю с потрёпанной соломенной крышей. Петрусь вошёл в него. Коля и нагнавшая его Еленка вошли следом.

В сарае стоял полумрак, пахло сеном, овчиной. Сквозь дырявую крышу пробивались солнечные столбики. В них плясали золотые пылинки.

— Сделала? — спросил Петрусь шёпотом.

— Оставила прямо у войта в комнате, — так же шёпотом ответила Еленка.

— Молодец! Часы не потеряла?

— Не-е...

— Тащи домой. Я здесь другие куплю. — Петрусь усмехнулся, взял что-то в углу и протянул Коле: — Вот, держи.

Коля узнал свой мешок с бидоном и удивился: как же мешок оказался здесь, ведь он оставил его у Варвары!..

— Держи, кавалер! — Петрусь торопливо сунул мешок в Колины руки. — И марш домой, да побыстрее! В случае чего, имей в виду — в мешке ничего нет. Ни-че-го... Пускай обыскивают. Ну, будь здорова, сестрёнка, — Петрусь поцеловал Еленку. — И торопитесь. Привет всем и... молчок.

— Не учи, — строго сказала Еленка.

Петрусь выглянул в дверь.

— Идите. Вот этой тропкой. Прямо на шоссе.

Еленка и Коля вышли из сарая и, не оглядываясь, зашагали к шоссе. Впереди Еленка, следом Коля.

Еленка шла быстро, только когда впереди показался знакомый КПП, чуть замедлила шаги.

Оба солдата сидели на бревне, перекинутом через канаву, и о чём-то оживлённо разговаривали. На ребят они не обратили внимания.

Когда КПП остался позади, Еленка приостановилась на мгновение и вытащила из-за пазухи большие карманные часы.

— Без четырёх.

— Чего без четырёх?

— Идём, идём!.. — и Еленка снова зашагала быстрее. Потом вдруг свернула с шоссе, остановилась на краю леса возле сосны и повернулась лицом к Ивацевичам. Лицо её стало напряжённым, будто она видела что-то сквозь деревья и избы посёлка.

— Ты что? — спросил Коля.

— Тсс... — Еленка взяла его за руку. — Вот сейчас...

Коля тоже посмотрел в сторону Ивацевичей, но ничего особенного не заметил.

Еленка снова достала часы.

— Минута лишняя... Может, что не так?! — глаза её стали тревожными. — Слушай, Коля, слушай!

Они постояли ещё немного, вслушиваясь. Но кругом висела тишина, только где-то тихо журчал ручей и весело заливалась какая-то птица.

— Ты ничего не слышишь? — тихо спросила Еленка.

— Ничего...

— И я ничего... — в голосе прозвучали огорчение и обида. Вдруг лицо её посветлело. — Смотри, смотри...

Коля взглянул на посёлок. Там, где-то над центром, за клубился си-

зый дым. Еленка смотрела на него, как зачарованная. Дым быстро густел, становился чёрным, и в нём показались неяркие языки пламени.

— Пожар, — сказал Коля.

Еленка засмеялась. На лице её и в серых глазах будто играл отблеск далёкого пожара. И только сейчас Коля понял её волнение, когда они проходили с лукошком мимо солдат. Понял, зачем ходила Еленка в управу.

Да если бы сейчас мальчишки всего света насмешливо глядели на него, он бы взял Еленку за руку и пошёл бы с ней по шоссе, гордо подняв голову! И пусть смеются, пусть обзывают женихом. Что они понимают? Разве знают они, какая эта девчонка — Еленка!

Но мальчишек не было. И он не взял её за руку, только буркнул:

— Ловко ты их...

И они пошли дальше.

Похоронный марш

КОМЕНДАНТ Штумм удвоил караул возле избы, в которой жил, обвязал голову полотенцем и слёг в постель. Собственно говоря, голова у Штумма не болела, от нервного потрясения у него схватило живот. Так бывает с медведями, если их неожиданно напугать. Но живот — под одеялом, его не видно. А обмотанная полотенцем голова — другое дело, тут уж любой увидит болезнь Штумма, и никто не посмеет усомниться в ней.

Штумм был напуган не на шутку. До сих пор партизаны были для не-

го теньями далёких лесов, силой почти не осязаемой. Где-то на дорогах взрывались машины, в госпиталь привозили подкошенных внезапной автоматной очередью солдат, стирало подготовленное к отправке в Германию зерно, с исковерканных железнодорожных рельс, становясь на дыбы и сбивая друг друга, летели под откос вагоны.

Но всё это было где-то там, далеко. Раздражало, бесило, но не вызывало страха.

Здесь, в Ивацевичах, по улицам шагали солдатские патрули, рыскали полицейские, днём и ночью охраняли своё начальство часовые. И комендант Штумм спокойно пил коньяк: сюда партизаны не сунутся, не посмеют.

И вдруг — взрыв в управлении войта. Грохот, звон разбитых стёкол, крики... Какой-нибудь десяток шагов отделил его, Штумма, от смерти. Какое счастье, что старосты немного запоздали, и старик Козич прибежал за ним и за Вайнером не в двенадцать, а полпервого... Если бы не это, может быть, и его, Штумма, сейчас хоронили бы вместе с тремя старостами...

Кто-то толкнул стул в соседней комнате. Штумм вздрогнул и судорожно сжал рукоятку пистолета.

В дверь постучали. Штумм облизнул губы, но не ответил. Дверь, скрипя на ржавых петлях, отворилась. На пороге стоял Вайнер.

Штумм вздохнул и торопливо сунул револьвер под подушку.

Вайнер несколько секунд смотрел на коменданта в упор, не скрывая презрительной насмешки, потом плотно затворил дверь, молча прошёл по комнате, отшвырнув ногой сбившийся потёртый половичок. Он отлетел в угол. Весело звякнули пустые бутылки.

Вайнер подошёл к окну. За мутными от грязи стёклами до высокого забора, увенчанного колючей проволокой, тянулись ряды низких пеньков: комендант приказал

вырубить сад, чтобы лучше просматривалась местность.

Штумм следил за гостем не поворачивая головы, кося воспалёнными, налитыми кровью глазами.

Вайнер достал из кармана носовой платок и вытер ладони.

— Вы не забыли, что сегодня торжественные похороны невинных жертв, павших от рук бандитов?

Штумм издал неопределённый звук.

— Я надеюсь, что вы будете присутствовать?

Штумм приподнялся на локте. Под его грузным телом хрустнули пружины матраца.

— Я болен... У меня — голова...

— Свежий воздух пойдёт вам на пользу.

— Но...

— Сегодня тепло и сухо...

— У меня ещё желудок... — сказал Штумм упавшим голосом.

Вайнер резко повернулся и посмотрел на него холодным, не предвещающим ничего хорошего взглядом. Штумм осекся и умолк.

— Я жду вас через тридцать минут. — Вайнер стремительно прошёл к двери, открыл её и бросил с порога через плечо: — Я пошлю вас лечиться на восток!

Дверь коротко взвизгнула закрываясь.

Штумм откинулся на подушки. Его трясло от бессильной злобы. Потом он сел на кровати и прорычал:

— Ублюдоки!

Но Вайнер не слышал. Он шагал к себе в сопровождении двух автоматчиков. Редкие прохожие торопливо перебегали на другую сторону и жались к заборам. Но он не замечал их. Сегодня он волей-неволей вынужден был сообщить своему начальству о взрыве в управлении войта. И потом, расшифровывая ответную радиogramму, долго кусал губы от злости и досады. Конечно, им там легко рассуждать! Их не поджидает пуля из-за угла, им не придётся шарахаться от каждой тени в лесу и наткаться в самых неожиданных местах на самодельные партизанские мины.

Чёрт с ним, с выговором! Надо действовать решительней. Надо нападать, не давать партизанам покоя ни днём, ни ночью. Окружать. Громить. Жечь. Уничтожать всё на своём пути. Надо вселить в людей ужас!

Хорошо, что там, в Германии, по-няли: пока не уничтожены партизаны — порядка не будет! Он, Вайнер, уничтожит партизан. Он разработает методы борьбы с ними, и имя его прогмнит на всю Германию.

Через тридцать минут Штумм явился к Вайнеру.

Похороны трёх старост должны были быть пышными. Население оповестили своевременно. Был вызван военный оркестр из Барановичей. Заказаны специальные гробы. Подобраны упряжки лошадей.

Сразу после похорон, там же, на кладбище, Вайнер предполагал расстрелять на глазах у всех девять че-

ловек из числа «подозрительных», схваченных тотчас после взрыва.

Вина «подозрительных» не была доказана, но это не имело существенного значения. И пышные похороны и расстрел должны были показать величие власти и послужить грозным предупреждением всем, кто попытается выказать ей неповиновение.

Но планы рушились. Население не явилось проводить в последний путь трёх предателей — старост. Люди заперлись в своих домах. Посёлок будто вымер.

Оркестр из Барановичей своевременно выехал на грузовике, но в Ивацевичи не прибыл. Похороны задержали, но оркестра так и не дождались. Позже выяснилось, что грузовик напоролся на доски с гвоздями. Оба передних ската оказались проколотыми, заменить их было нечем. И перепуганный оркестр рысью отправился в обратный путь, гремя никелированными трубами.

Желая спасти положение, Козич сбежал за Петрусем. Петрусь пришёл с гармонью.

Штумм приказал выгнать жителей ближайших домов на улицы. Солдаты начали барабанить прикладами в двери. Вскоре возле госпиталя собралось человек тридцать — старики, женщины, дети. Они испуганно сбились в кучу, окружённые автоматчиками.

Из ворот госпиталя солдаты вынесли три чёрных, с серебряной каймой гроба. Краска на гробах ещё не обсыхла, пальцы солдат прилипали к

стенкам гробов и оставляли на них серо-жёлтые отпечатки.

Гробы установили на убранных чёрным крепом телегах, и процессия тронулась.

Впереди каждой телеги шёл солдат и нёс на пёстрой подушечке, прикрытой тем же крепом, железный крест. Этими крестами Вайнер от имени фюрера награждал покойников.

За телегами следовал Петрусь с гармонью. За ним — офицеры во главе со Штуммом. Потом — солдаты, за ними три десятка перепуганных жителей. Замыкал шествие отряд вооружённых полицейских. Вайнера не было.

Процессия двигалась по пустым улицам в полном молчании. Слышно было только шарканье ног, смягчённое пылью. Откуда-то появившийся Козич с непокрытой головой подсеменял к Петрусью и шепнул:

— Играй.

— Что?

— Похоронный марш.

— С удовольствием, — буркнул Петрусь и растянул меха гармони. Пальцы тронули лады. Над процессией повисли звуки похоронного марша, который Петрусь тут же импровизировал. В неведомую мелодию то и дело вплетались старинные песни белорусов — тягучие и печальные. Будто собрал Петрусь в гармони своей все слёзы, всю печаль земли родной, и теперь они сочатся из-под пальцев, жаркие и горькие, превращаются

в звуки. И ещё угрюмей становится тишина посёлка. Нет, не по этим чёрным гробам плачет гармонь Петруся. Не трёх старост жалеет старуха, что утирает концом серого платка влажные глаза.

А печальная мелодия летит над пустыми переулками, входит в закрытые ставни, в щели дверей. Слушают люди старинные песни родной земли и думают... Только не о трёх убитых старостах. Их никому не жаль.

Через час процессия остановилась возле кладбища. Гробы сняли с телег и понесли за разбитую ограду, к старой, облупившейся часовне. В этот момент подъехали два грузовика. Один был с закрытым кузовом, на другом — открытом — сидели автоматчики. Из кабинок шофёров выскочили офицеры. Один из них что-то резко приказал солдатам. Те проворно поскакали на землю и кольцом окружили крытую машину. Офицер открыл висячий замок на двери.

— Выходить! Шнель!

В узкой дверце появился человек, босой, в изорванной рубаше. Он остановился и закрыл глаза. После тьмы машины солнце ослепило его.

— Шнеллер! — крикнул офицер и ударил его рукояткой револьвера по босым пальцам.

Человек прыгнул на землю, ничего не видя от боли и яркого солнца. За ним, один за другим, прыгнули ещё восемь. Среди них женщина и парнишка лет тринадцати. Солдаты сбили их

в кучу и повели следом за похоронной процессией на кладбище.

Возле часовни трясушийся священник в чёрной засаленной рясе, с жидкой седой бородкой на пепельно-сером лице, торопливо, проглатывая слова, отслужил панихиду. Священника немцы тоже откуда-то привезли.

Потом войт с перебинтованной рукой на перевязи сказал речь, морщась от боли.

Солдаты ни слова не понимали по-белорусски, но стояли по стойке «смирно». Лица их были равнодушно тупы.

Три десятка жителей, пригнанных на кладбище, не слушали войта. Они смотрели на тех девять, что стояли в стороне, в кольце автоматчиков. На их продранную, в крови, одежду, на тёмные отёкшие лица.

Когда войт умолк, Штумм сделал знак солдатам. Те подняли гробы и понесли к приготовленным могилам. Возле свежевырытых ям стоял одноглазый рыжебородый мужик — известный всему посёлку кладбищенский сторож. Он стоял, опираясь на лопату.

Вместо трёх могил было вырыто четыре. Козич подскочил к сторожу и прошипел:

— Ты что четыре вырыл? Не знаешь, что три покойничка-то? — Он перекрестился.

— Знаю.

— Пошто ж четыре вырыл?

Сторож, не мигая, посмотрел на Козича единственным глазом.

— Про запас.

Козич плюнул и выругался.

— Не богохуль! Грех! — сказал сторож и усмехнулся.

Козичу стало не по себе от этой четвёртой сырой могилы, будто её вырыли для него. Он отшатнулся, снова перекрестился дрожащей рукой и спрятался в группе полицейских.

Гробы подхватили верёвками и стали по очереди опускать в могилы.

Священник что-то бормотал.

А Петрусь всё смотрел на тех, девятерых, в кольце автоматчиков. Он понял, зачем их сюда привезли. Сквозь молодую листву деревьев, за

памятниками и крестами, на самом краю кладбища, он заметил нескольких солдат. Они ниоткуда не пришли. Они появились будто из-под земли, с лопатами в руках.

Петрусь догадался, что они там делали, и до крови прикусил губу.

Рядом кто-то сказал:

— Играй!

Петрусь сразу и не понял, что это относится к нему. Потом будто очнулся, вздрогнул, машинально положил пальцы на лады. Не отрываясь смотрел он на тех девятерых.

— Играй!

И Петрусь заиграл. Лицо его будто окаменело, брови сдвинулись, глаза потемнели. Уверенно и строго трогали пальцы послушные лады. И над покосившимися крестами, над каменными плитами, над молодой зеленью деревьев, над первыми жёлтыми цветами в изумрудной траве, над стоящими по стойке «смирно» чужими, не-

навистными солдатами, над сняв-
шими фуражки офицерами полилась тор-
жественная и мужественная мелодия
похоронного марша.

Вы жертвою пали в борьбе
роковой
Любви беззаветной к народу...

Петрусь играл и смотрел на тех де-

вятерых, незнакомых, но бесконечно
близких людей...

Вы отдали всё, что могли,
за него,
За жизнь его, честь и свободу...

Петрусь играл для девятерых при-
говорённых. И они поняли его.

Они выпрямились и стали плечом
к плечу. Женщина заплакала беззвуч-
но, а парнишка сжал кулаки.

(Продолжение следует)

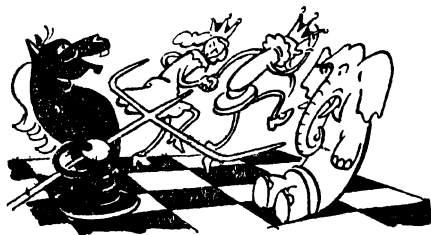

КАК МИША ПОБИЛ ОЛЮ

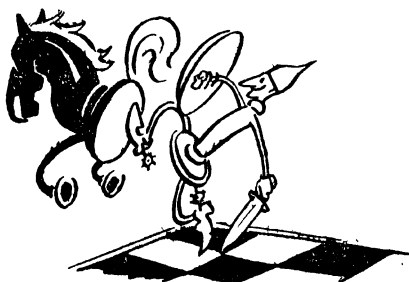
(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

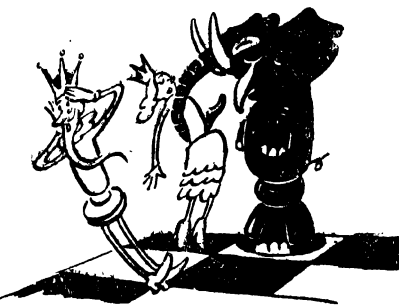
1. Брошен конь в атаку пылко.

2. Угрожает белым вилка.

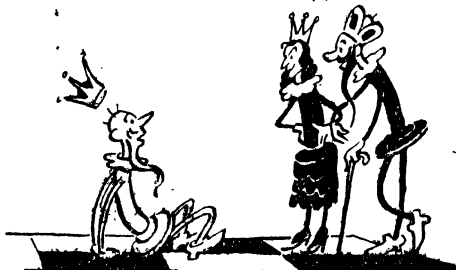
3. Атака вмиг отражена.

4. Но вдруг... коварный ход слона.

5. А тут ещё беда другая:
Шагает пешка проходная.

6. И королевой став на поле...

7. Разбила тотчас
войско Оли.

Сказки
В. Расина

Рисунки
К. Бекташева

Кто лучше?

НАШЛИ два цыплёнка в углу двора кусок хлеба и принялись его клевать. Увидел это индюшонок и боком-боком к цыплятам подходит. Видно, и ему хлеба хочется, а попросить стесняется.

— Ешь с нами, — позвал жёлтый цыплёнок. — Ешь...

— А нам самим хватит? — пискнул чёрный цыплёнок.

— Хватит, хватит, — успокоил его братишка. — Чего уж там!

Так втроем и позавтракали.

Наелись цыплята и побежали к своей маме, крылышками машут.

— Мама, мама! — кричит чёрный цыплёнок. — С нами индюшонок хлеб ел! Скажи, хорошо я поступил, что поделился с ним?

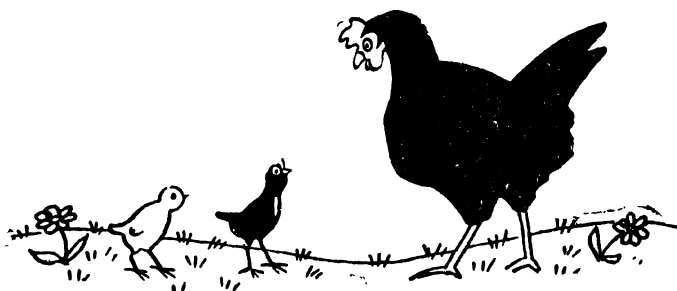
— Хорошо, сынок, хорошо.

— Ох, как я индюшонка накормил!.. — не унимается цыплёнок.

— Да что об этом говорить, — остановил его братишка. — Позавтракали и всё.

Посмотрела курица-мама на сыновей и сказала:

— Хорош тот, кто делится с товарищем, но ещё лучше тот, кто делится и не хвастает этим.

Олень и его товарищ

ЗАХОТЕЛОСЬ молодому оленю по белому свету побродить, новые места посмотреть.

— Отговаривать не стану, — сказал ему отец, — но знай: нелегко тебе будет, хлебнёшь горя на чужой стороне.

— Ничего!.. Я собираюсь не один, а с товарищем. Он никогда не оставит меня в беде.

— Это хорошо, что у тебя такой надёжный товарищ. Расскажи что-нибудь о нём...

— Мы шли по узкой тропинке. Дорогу преграждал большой камень, обойти его было нельзя. Тогда мой товарищ упёрся плечом и оттолкнул камень в сторону. Вот он какой!

— Твой товарищ силен, — похвалил старый олень. — Но всё же я буду беспокоиться о тебе.

— Когда мы возвращались домой, на товарища с дерева неожиданно бросилась рысь. Но он не растерялся, страхнул рысь со спины и победил её в открытом бою.

— Спору нет, твой товарищ отважен и ловок. Это очень хорошее качество в дороге. Но всё же я буду беспокоиться о тебе.

— А вот послушай ещё о нём, — продолжал молодой олень. — Гуляли мы раз недалеко от реки, и нам захотелось пить. Но по дороге к водопою товарищ почуял запах какого-то хищника. «Нам грозит опасность!» — шепнул он мне, и мы умчались, как ветер.

— Твой друг умен и осторожен. Но я буду беспокоиться, пока не увижу тебя дома, — вздохнул старый олень.

— А потом мы отдыхали в лесной чаще. Видим — волк гонится за козлёнком и вот-вот нагонит его. Мой товарищ не усидел в кустах. Он бросился наперерез волку и так ударил его рогами, что тот с перепугу чуть из шкуры не выскочил.

— Это самое лучшее, что ты мог сказать о нём, — обрадовался старый олень. — Твой товарищ благороден. Теперь, сынок, я за тебя спокоен.

Барсук и Ястреб

ПРОСЛЫШАЛ Ястреб, что на лесной прогалине кусок мяса зарыт. Хочется Ястребу мясо достать, а как его из земли выкопать — не знает. Сидит Ястреб на дереве, думает, думает, но, сколько голову ни ломал, придумать ничего не мог. Вдруг видит — Барсук идёт.

— Дружище, — остановил его Ястреб, — я знаю, где большой кусок мяса зарыт. Помоги достать его, вдвоём и пообедаем.

Задрал голову Барсук и спрашивает:

— А не обманешь, поделишься?

— Что ты, что ты, — сказал Ястреб, — моё слово верное, кого хочешь спроси.

— Хорошо, — согласился Барсук. — Показывай, где рыть надо.

Копать Барсук привычный, быстро достал мясо и подал Ястребу.

— Дели, — говорит, — а я пообчишусь немного.

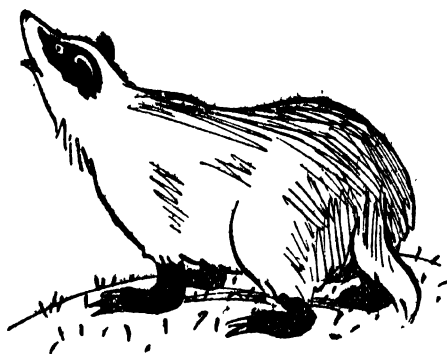
Посмотрел Ястреб на мясо и заныло у него в груди от жадности. «Подумаешь, велика хитрость готовенькое достать! Не буду ни с кем делиться. Тут мне одному как раз хватит!» — Схватил он клювом кусок мяса и взвился в воздух.

— Постой, постой! — закричал Барсук. — Ты мясо-то взял, а самое главное забыл!

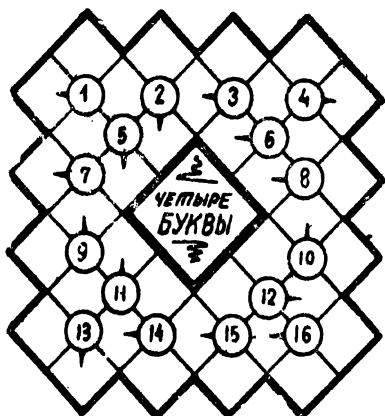
«Что же я забыл?» — обеспокоился Ястреб и стал кружить над поляной. Летаёт, на землю посматривает, а увидеть в траве ничего не может. А Барсук сидит на задних лапах и кричит, что Ястреб что-то очень-очень важное забыл.

— Говори, что я забыл, говори! — заорал Ястреб и выронил мясо на землю.

— Обещание ты своё забыл, обещание, — ответил Барсук и уволок мясо в кусты.

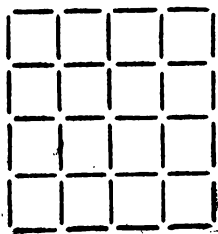
КРОССВОРД

Начиная с отмеченных «колышками» клеток, впишите по часовой стрелке 16 четырёхбуквенных слов:

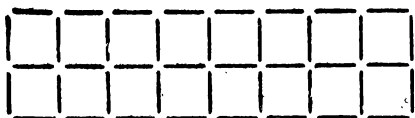
1. Спортивный метательный снаряд. 2. Велодром — место для велосипедных гонок. 3. Короткохвостый морской рак. 4. Перелётная птица, возвращение которой в родные края служит приметой весны.

**СКОЛЬКО
НУЖНО
СПИЧЕК?..**

Чтобы сложить шестнадцать клеточек так, как указано на верхнем рисунке, понадобится 40 спичек. Если же эти 16 клеточек расположить иначе (см. нижний рисунок), то понадобится иное количество спичек — 42.

Сколько понадобится спичек, чтобы сложить 10.000 клеток в виде прямоугольника 625×16 ?

Отдел ведёт В. Акентьев

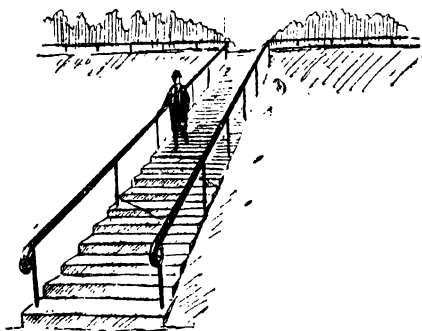

5. Площадка для игры в теннис. 6. Хищный зверь из семейства кошечек. 7. Вид спорта. 8. Сооружение из брёвен. 9. Пара колёс на оси. 10. Мелкое, удобное для перехода поперёк реки место. 11. Промысловая лососёвая рыба. 12. Роман Э. Войнич. 13. Минерал, входящий в состав гранита. 14. Парусиновый навес для защиты от солнца. 15. Роман И. С. Тургенева. 16. Криволинейное перекрытие в здании.

ЛЕСТНИЦА

(Прислал Лёня Островский)

Как вы думаете, из скольких ступенек состоит лестница, изображённая на рисунке?

ИЗ СТАРЫХ ЗАДАЧ

(Прислала Валя Лагун)

Тетрадь стоит 50 коп., карандаш — 10 коп., перо — 1 коп. Сколько было куплено тетрадей, сколько карандашей и сколько перьев, если всех предметов было 100, а денег истрачено 5 рублей?

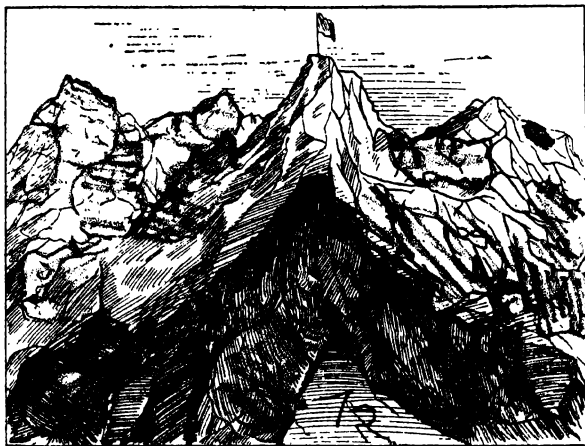
III СЕРИЯ

(Посвящается искусственным спутникам)

1. Можно ли увидеть ракету-носителя днём? Почему?
2. А в середине ночи? Почему?
3. Что быстрее движется в пространстве: Луна или И. С. З.?
4. Что произошло бы, если бы И. С. З. был запущен со скоростью, меньшей 8 км в секунду?
5. При какой скорости И. С. З. вообще улетел бы от Земли? Почему?
6. Почему первое межпланетное путешествие предполагается совершить на Луну, а не на Марс?
7. На каком небесном теле чаще всего происходят солнечные затмения?
8. Сколько раз в течение земных суток происходят затмения на «маленькой Луне» (И. С. З.)?
9. Какие там происходят затмения?
10. Почему запуском И. С. З. безусловно доказано, что СССР имеет ракету, которая может долететь до любого пункта на земном шаре?

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

(Составил А. Илючек)

Отыщите 12 альпинистов.

ОТВЕТЫ НА II СЕРИЮ

1. В самом восточном пункте государственных границ СССР (на материке — мыс Дежнева).
2. Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась 25 октября по «старому» (Юлианскому) календарю. Но в 1918 году у нас был введён современный, более правильный календарь, отличающийся от старого на 13 суток.
3. 23 сентября солнце восходило в точке востока, а зашло — в точке запада. В последующие дни оно восходило уже между точками востока и юга, а заходило — между точками юга и запада (в связи с сокращением дня).
4. Полное лунное затмение.
5. Лучше — в верхних, так как воздух не помогает полёту ракеты, а даже мешает.
6. От холодной воды сосуд охладится (особенно — до уровня налитой жидкости). При соприкосновении с охлаждённой поверхностью водяной пар (всегда находящийся в комнате) сконденсируется в капли воды.

Загадки

Когда я иду за ней, — она убегает от меня, когда я уйду от неё — она неотступно следует за мною.

Чем больше нас, тем меньше весу.

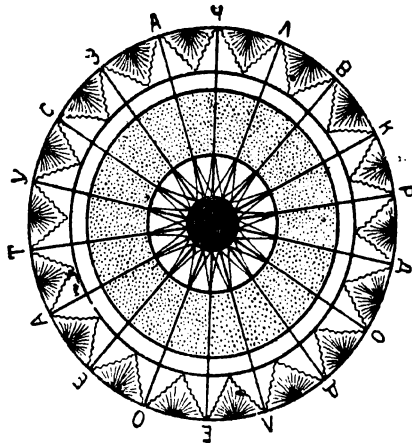
Чем кончаются и день и ночь?

Я уйду — он остаётся.

КАЛЕЙДОСКОП

(Составила Аня Добрецова,
308-я школа)

Буквы, расставленные по внешнему кругу фигуры, расположены в определённой последовательности. Догадайтесь, как прочесть то, что здесь написано?

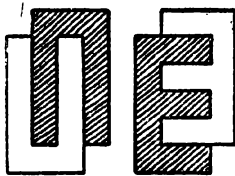

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы к «Искорке» №№ 9, 10)

НА ДВЕ ЧАСТИ

Решение смотри на рисунке.

ИЗ СТАРЫХ ЗАДАЧ

1.

Писавший пропустил двоеточие, которое следовало поставить после слова «двадцать».

2.

156 ударов или 180 — если часы отбивают также и получасы.

3.

Я завожу свои часы, ставлю их произвольно и записываю перед уходом, какое время они показывают (показание а). Придя к знакомому, записываю тотчас показание его часов (в). Перед уходом опять замечаю время по его часам (с). Придя домой, замечаю, что мои часы показывают (d).

Этих данных достаточно, чтобы правильно поставить мои часы: d—а покажет время моего отсутствия, разность с—в даст время, проведённое у знакомого, разность (d—а) — (с—в) определит время, проведённое в дороге, половина его затра-

чена на обратную дорогу. Прибавив эту половину к с, получим точное показание часов при моём возвращении домой.

4.

Число жителей в нашем городе в несколько раз превышает наибольшее число волос на голове человека, поэтому можно сказать с уверенностью, что люди с одинаковым числом волос на голове в нашем городе имеются.

РЕБУС

Друг и далёк от глаз, но сердцу близок.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. «Аврора». 6. Иванов. 9. «Смена». 11. Кумач. 12. Кутузов. 15. Бригада. 16. Антанта. 19. Патриот. 21. Конвент. 23. Гвардия. 25. Ферзь. 26. Паром. 27. Гранит. 28. Скатка.

По вертикали: 1. Звено. 2. Трибуна. 3. Свобода. 4. Кожух. 7. Иматра. 8. Газета. 13. Калинин. 14. Отчизна. 17. Чапаев. 18. Снимок. 20. Товарищ. 21. Критика. 22. «Азарт». 24. Марка.

РЕБУС

Светит над миром наш герб величавый: молот рабочий и серп трудовой!

АРИФМОГРАММА

«Озарил миру путь нашей Родины свет».

СОДЕРЖАНИЕ

Живи и здравствуй! — Стихотворение Вл. Михайлова	1
Рассказы бывалых людей. Б. Тарасенко «Огни революции»	2
С «Авроры» моряк. Стихотворение М. Островского..	9
Товарищи. Рассказ Б. Раевского	10
Полюбить машину надо! Стихотворение А. Усановой..	16
Встречи у микрофона. Очерк Л. Маграчёва	19
Голубая лыжня. Стихотворение В. Шошина	25
В американской колонии. Записки моряка Петра Белова	26
Наш Маршак. М. Дубянская	34
В гостях у Маршака. Письмо красных следопытов ..	37
Золотая дудочка. Пьеса М. Туберовского	39
Советы юным режиссёрам. М. А. Краснер	44
Летний сад. Стихотворение И. Демьянова	46
Кому что нравится. Песенка-шутка М. Феркельмана на слова А. Залетаевой	47
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	48
Как Миша побил Олю. Рассказ в рисунках К. Бекташева	57
Почитайте, малыши! Сказки В. Расина: «Кто лучше?», «Олень и его товарищ», «Барсук и Ястреб» ..	58
Клуб смекалистых ребят	61

На первой странице обложки — репродукция с картины художника А. И. Сегала «Первый декрет советской власти о мире».

На второй и третьей страницах обложки — фотоснимки Г. Сафонова.

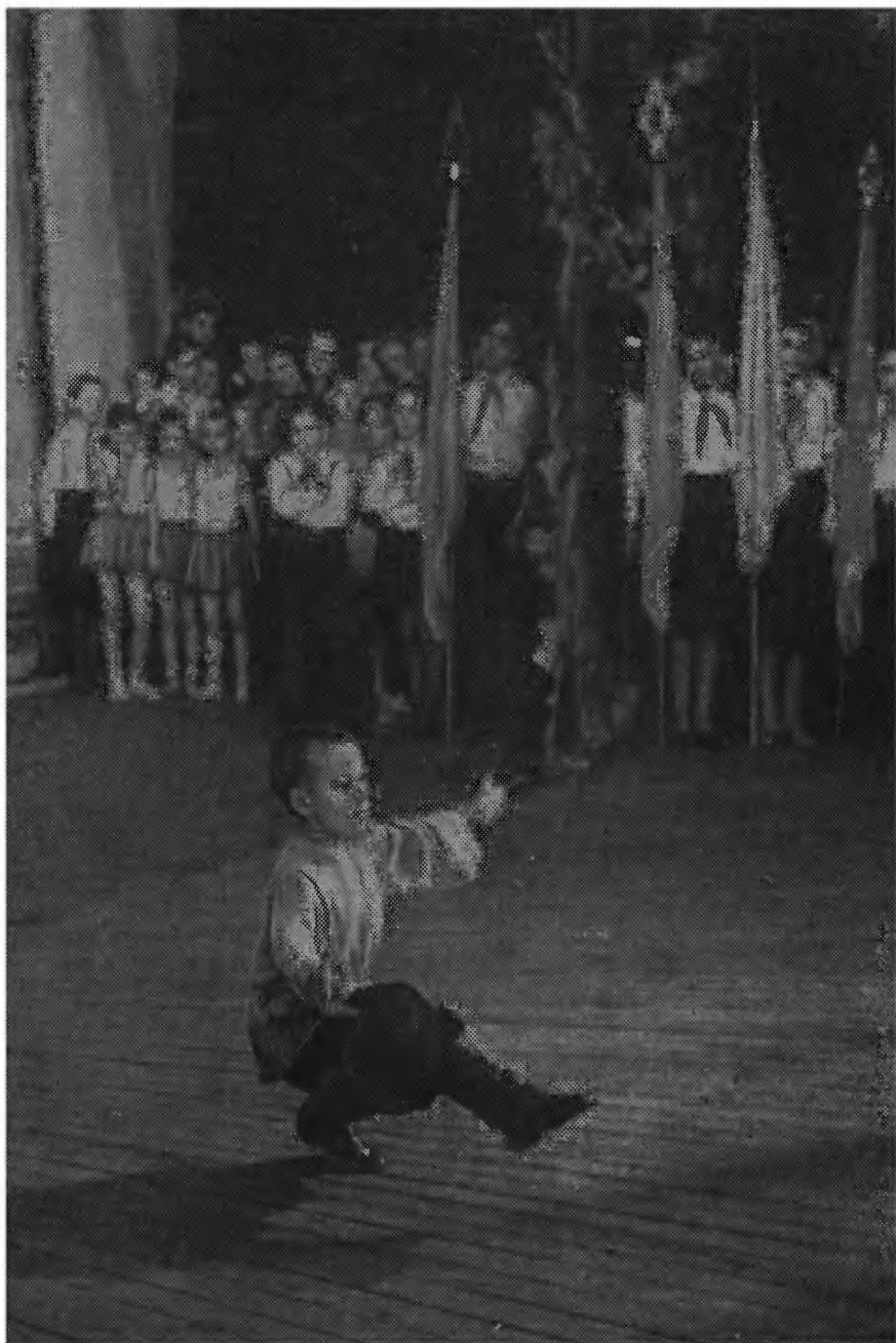
На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекташева «В космическом полёте».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 10/XI-57 г. Подписано к печати 28/XI-57 г. 4 печ. листа. Учет.-из. 5,49
М-37663. Заказ № 1584. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Первый слёт школьников, посвящённый 40-й годовщине Великого Октября, закончился во Дворце культуры имени Горького.
Здесь выступали и самые старшие и самые младшие школьники.

Фото Г. Сафонова

цена 1 рубль

